

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ СЕМЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2019

*Деривативное электронное издание
на основе печатного издания:*

Золотые россыпи семейной педагогики

авт.-сост.: Е. В. Антипова, В. В. Чечет

Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 132 с. : ил.

ISBN 978-985-568-493-1

Хрестоматийный материал отражает развитие педагогических взглядов, начиная с древних времен и до наших дней, по проблемам семейного воспитания, которые не утратили актуальности: роль семьи в воспитании ребенка, роль матери, отца в формировании личности ребенка, роль прародителей в воспитании подрастающего поколения, содержание и методы семейного воспитания.

Данное издание адресуется студентам и преподавателям учреждений высшего и среднего специального образования, слушателям институтов повышения квалификации и переподготовки, классным руководителям, родителям.

УДК 37.018.1(075.8)

ББК 74.9я73

Золотые россыпи семейной педагогики [Электронный ресурс] : хрестоматия / авт.-сост.: Е. В. Антипова, В. В. Чечет. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – Загл. с экрана.

212022, г. Могилев

ул. Космонавтов, 1

тел.: 8-0222-28-31-51

e-mail: alexpzn@mail.ru

<http://www.msu.by>

© Антипова Е. В., Чечет В. В.,
составление, 2019

© МГУ имени А. А. Кулешова, 2019

© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронное издание, 2019

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. VI–IV вв. до н.э.

Семья в Древней Греции считалась основой общества, а вступление в брак – гражданской (рождение новых граждан) и религиозной (жертвоприношения предкам) обязанностью. Семья была очень многочисленной, т.к. взрослые сыновья, женившись, не отделялись от отца, а продолжали жить все вместе под одной кровлей. Отец был главным в семье и пользовался огромной властью (он мог лишить дурного сына наследства, имел право продавать в рабство своих дочерей). После смерти отца его имущество переходило старшему сыну. Женщине отводилась второстепенная роль хозяйки дома.

Рождение ребенка было для семьи торжественным событием. Если рождался мальчик, двери дома украшали оливковыми ветвями. Сын для греков символизировал продолжение рода, поэтому если у мужчины не было собственного сына, то он старался усыновить брата своей жены, мужа дочери или сына дочери. В этом случае усыновленный мужчина считался главой семьи, то есть продолжателем рода и семейных традиций.

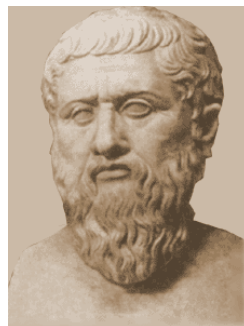
Старшему сыну обычно давали имя отца или деда, дочери – имя бабушки. Дети обязаны были нести по отношению к родителям долг почтения и повиновения.

Платон

(427–347 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ воспитание оценивал как важнейший фундамент всей жизни человека, поэтому воспитание необходимо начинать с раннего возраста.

По мысли философа, в идеальном аристократическом государстве-полисе воспитание детей в семье и школьное обучение должны осуществляться под контролем государства и в его интересах.

О воспитании

Еще остается у тебя одно недоумение: ты не возьмешь в толк, как эти хорошие люди научают своих сыновей всему, что зависит от учителей, и в этом делают их мудрыми, но не могут добиться, чтобы их сыновья хоть кого-нибудь превзошли в добродетели, которой они отличаются сами. По этому поводу, Сократ, я уже не миф тебе расскажу, а приведу

разумное основание. Подумай вот о чем: существует ли нечто единое, в чем необходимо участвовать всем гражданам, если только быть государству? Именно этим, а не чем иным разрешается твое недоумение. Если только существует это единое и если это не плотническое, не кузнечное и не гончарное ремесло, но справедливость, рассудительность и благочестие – одним словом, то, что я называю человеческой добродетелью, и если это есть то, чему все должны быть причастны, и всякий человек, что бы он ни желал изучить или сделать, должен все делать лишь в соответствии с этим единым, а не вопреки ему, и того, кто к нему непричастен, надо учить и наказывать – будь то ребенок, мужчина или женщина, – пока тот, кого наказывают, не исправится, и если, наконец, он, несмотря на наказания и поучения, не слушается и его надо как неизлечимого изгонять из городов или убивать, – если так обстоит дело по самой природе, а между тем хорошие люди учат своих сыновей всему, только не этому, суди сам, как чудно все получается у хороших людей! Мы доказали, что они считают возможным обучать этой добродетели и в домашнем быту, и в общественном. Но если возможно учить добродетели и развивать ее, неужели эти люди начнут учить своих сыновей лишь тем вещам, неведение которых не карается смертной казнью, между тем как их детям, если они не научены добродетели и не воспитаны в ней, угрожает смерть, изгнание и, кроме того, потеря имущества – словом, полное разорение дома? Неужто же они не станут учить их этому со всей возможной заботливостью? Надо полагать, что станут, Сократ.

Пока родители живы, они с малолетства учат и вразумляют своих детей и делают это до самой своей смерти. Чуть только ребенок начинает понимать слова, и кормилица, и мать, и наставник, и отец бьются над тем, чтобы он стал как можно лучше, уча его и показывая ему при всяком деле и слове, что справедливо, а что несправедливо, что прекрасно, а что гадко, что благочестиво, а что нечестиво, что можно делать, а чего нельзя. И хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его, словно кривое, согнувшееся деревцо, выпрямляют угрозами и побоями.

А потом, когда посылают детей к учителям, велят учителю гораздо больше заботиться о благонравии детей, чем о грамоте и игре на кифаре. Учители об этом и заботятся; когда дети усвоили буквы и могут понимать написанное, как до той поры понимали с голоса, они ставят перед ними творения хороших поэтов, чтобы те их читали, и заставляют детей заучивать их – а там много наставлений и поучительных рассказов, содержащих похвалы и прославления древних доблестных мужей, – и ребенок, соревнуясь, подражает этим мужам и стремится на них походить.

<...> Кроме того, посылают мальчиков к учителю гимнастики, чтобы крепость тела содействовала правильному мышлению и не приходилось бы из-за телесных недостатков робеть на войне и в прочих делах.

<...> Почему же многие сыновья доблестных отцов все-таки выходят плохими? Узнай в свою очередь и это. Ничего здесь нет удивительного, коли я верно сейчас говорил, что в этом деле – в добродетели – не должно быть невежд или же иначе не быть государству; если в самом деле так оно и есть, как я говорю, – а оно уж, наверное, обстоит не иначе, то поразмысли об этом, взяв для примера другое какое угодно занятие или науку. Допустим, государство не могло бы существовать, если бы все мы – каждый, насколько может, – не были бы флейтистами; и допустим, что любого, кто нехорошо играет, всякий стал бы учить и бранить от своего лица и от лица народа; и положим, что в этом деле никто не стал бы завидовать другим (подобно тому как теперь никто не завидует справедливости других, их послушанию законам) и не делал бы секрета из своего мастерства, как поступают обычно теперь различные мастера (ведь нам, я думаю, полезна взаимная справедливость и добродетель, вот почему всякий усердно толкует другому о справедливом и законном и дает наставления), – так вот, если бы и в игре на флейте у нас была полная готовность усердно и без зависти учить друг друга, думаешь ли ты, Сократ, что и тогда сыновья хороших флейтистов становились бы хорошими флейтистами скорее, чем сыновья плохих? Думаю, что нет: кто от природы оказался бы очень способен к игре на флейте, тот бы с летами и прославился, чей бы он ни был сын, а кто не способен – остался бы в безвестности: часто от хорошего флейтиста происходил бы плохой, а от плохого – хороший, однако все они были бы сносными флейтистами по сравнению с неучами, с теми, кто ничего не смыслит в игре на флейте. Примени это и здесь: если какой-нибудь человек представляется тебе самым несправедливым среди тех, кто воспитан меж людьми в повиновении законам, он все-таки справедлив и даже мастер в вопросах законности, если судить о нем по сравнению с людьми, у которых нет ни воспитания, ни судилищ, ни законов, ни особой необходимости во всяком деле заботиться о добродетели – например с какими-нибудь дикарями вроде тех, что в прошлом году поэт Ферекрыт вывел на Ленеях. Наверно, очутившись среди таких людей, и ты, подобно человеконенавистникам в его хоре, рад был бы встретить хоть Еврибата или Фринонда и рыдал бы, тоскуя по испорченности здешних жителей. Ты избалован, Сократ, потому что здесь все учат добродетели кто во что горазд, и ты никем не

доволен: точно так же если бы ты стал искать учителя эллинского языка, то, верно, не нашлось бы ни одного; я думаю, что если бы ты стал искать, кто бы у нас мог обучить сыновей ремесленников тому самому ремеслу, которое они переняли от своего отца в той мере, в какой владели им отец и его товарищи по ремеслу, – словом, искать того, кто мог бы их еще поучить, – я думаю, нелегко было бы отыскать им учителя; зато, будь они вовсе не сведущи, это было бы очень легко. То же самое, когда дело касается добродетели и всего прочего. Но если кто хоть немного лучше нас умеет вести людей вперед по пути добродетели, нужно и тем быть довольным. Думаю, что и я из таких и что более прочих людей могу быть полезен другим и помочь им стать достойными людьми; этим я заслуживаю взимаемой мною платы и даже еще большей по усмотрению моих учеников. Поэтому оплату я взимаю вот каким образом: кто у меня обучается, тот, если хочет, платит, сколько я назначу; если же он не согласен, пусть пойдет в храм, заверит там клятвенно, сколько, по его мнению, стоят мои уроки, и столько мне и внесет.

Итак, Сократ, сказал он, я изложил тебе и миф, и доказательство того, что можно научить добродетели; таково же мнение и афинян, и нет ничего удивительного, если у хороших отцов бывают негодные сыновья, а у негодных – хорошие: вот, например, сыновья Поликлета, сверстники Парала и нашего Ксантиппа, ничего не стоят по сравнению со своим отцом; то же самое и сыновья некоторых других мастеров. Но не надо их в этом винить – они еще не безнадежны, ведь они молоды.

Платон. Протагор / Платон ; пер. В. С. Соловьев. – М. : Эксмо, 2009

Аристотель (384–322 гг. до н.э.)

В своей педагогической концепции древнегреческий философ и ученый исходил из того, что воспитание есть существенная часть политики, поэтому оно призвано подготовить граждан, способных защитить и укрепить государство.

Самое важное в воспитании – нравственность.

Воспитание – это профилактика негативных влияний, оно помогает человеку стать нечувствительным к растлевающим воздействиям среды.

Первостепенное значение Аристотель придавал общественному, государственному воспитанию. Домашнее воспитание допускалось до 7-летнего возраста под началом отца, однако, семейное воспитание должно находиться под присмотром государственных чиновников – педономов. В то же время отвергал самоустранение родителей от воспитания детей и традицию передавать их в руки рабов.

О будущих родителях и времени заключения брачного союза

1. Так как законодателю с самого начала надлежит обращать внимание на то, чтобы физические силы воспитываемых достигли высшего совершенства, то прежде всего ему следует позаботиться о брачном соединении – именно когда и обладая какими свойствами люди должны вступать в брачное сожитие. Следует устанавливать законы относительно этого соединения, имея в виду самих вступающих в брак и их возраст; они должны подходить друг другу по возрасту, и их потенция должна быть одинаковой; иначе выйдет так, что муж в состоянии производить детей, жена же не в состоянии или, наоборот, жена в состоянии, а муж – нет. Из-за этого бывают раздоры и недоразумения.

2. Затем – то время, когда дети должны заступать место родителей: не следует допускать слишком большой разницы в годах между детьми и отцами (ведь в таком случае для стариков оказывается бесполезной признательность со стороны детей, а для детей – помощь со стороны отцов). Но не должно быть и слишком большой близости по возрасту: эта близость возрастов представляет большое неудобство, потому что, с одной стороны, дети, как почти сверстники своих отцов, питают к последним чувство почтения в меньшей степени, а с другой стороны, и в домашнем обиходе возникает тогда много поводов ко всякого рода распрям.

3. Почти все это достигается благодаря одной предосторожности: крайний предел способности производить потомство ограничен для мужчин, круглым счетом, семидесятилетним возрастом, для женщин – пятидесятилетним; поэтому и начало брачного сожития должно соответствовать обоим указанным срокам.

4. Соединение молодых неблагоприятно в смысле деторождения. И у всех живых существ приплод от молодых производителей бывает слабый, рождаются по большей части самки, и притом низкорослые. То же самое, разумеется, неизбежно случается и у людей. Доказательство: в тех государствах, где распространены ранние браки, люди слабы и низкорослы. Сверх того, во время родов молодые женщины страдают сильнее и очень многие из них погибают. <...>

6. Поэтому девушкам подходит более всего вступать в брак в восемнадцатилетнем возрасте, а мужчинам в тридцать семь лет или немногим раньше. При заключении браков в этом возрасте физические силы брачащихся будут в расцвете и такой расчет будет в полном соответствии с тем периодом, когда прекращается способность к деторождению. Сверх того, и то время, когда дети вступают в самостоятельную жизнь, как раз придется на эту пору, так как тогда дети окажутся именно в периоде их расцвета (при том предположении, что рождение, как и следует ожидать, последует сразу), между тем как отцы начнут в то время, к семидесяти годам их жизни, уже слабеть.

8. Что касается того, какие физические свойства родителей могли бы оказаться наиболее полезными для производимого ими потомства ...

Для нормального физического состояния гражданина, для его здоровья, для его способности к деторождению вовсе не требуется физическая мощь атлетов; с другой стороны, подходит тут не слишком нежное и слабосильное телосложение, но среднее между обеими крайностями. Тело должно быть развито, но не посредством изнурительных упражнений и не только в одну сторону, как это бывает у атлетов, но чтобы быть пригодным для деятельности свободнорожденных людей. Это относится одинаково как к мужчинам, так и к женщинам.

9. Беременные женщины также должны заботиться о своем теле, они не должны предаваться безделью, не должны питаться скудной пищей.

<...> Духовная их жизнь в противоположность физической должна быть обставлена более спокойно: ведь ясно, что плод, который они носят в себе, питается от женщины так же, как растения питаются от почвы, из которой они произрастают.

11. После того как установлен тот начальный возраст для мужчины и женщины, с которого им следует вступать в брачное сожителство, должно определить и тот предельный срок, до которого им подобает в интересах государства производить потомство. Дети перерзрелых родителей, так же как и слишком молодых, рождаются и в физическом и в умственном отношении несовершенновыми, а дети престарелых родителей – слабыми. Поэтому предел следует определить, сообразуясь с порой расцвета умственных сил. Этой поры большинство людей, по указанию некоторых поэтов, измеряющих человеческую жизнь по семилетиям, достигает в возрасте около пятидесяти лет.

12. Таким образом, кто переступит этот возраст на четыре-пять лет, тот должен отказаться от явного деторождения и может продолжать в остальное время жизни вступать в половую связь лишь ради здоровья

или по какой-либо подобной причине. Что же касается посторонних связей мужа или жены, то такие связи нигде и никоим образом вообще не должны считаться благопристойными, пока люди являются и называются законными супругами. И если кто-нибудь будет изобличен в том, что он так поступает в течение периода деторождения, то он должен подвергнуться бесчестью в качестве кары, соответствующей его проступку.

О содержании воспитания

XV 1. После того как дети родились, следует, нужно полагать, произвестить большой отбор пищи в смысле ее качества в целях укрепления их телесных сил. Наблюдения над другими живыми существами, равно как и над племенами, ставящими своей главной заботой развитие воинственных наклонностей, показывают, что питание, богатое молоком, является наиболее благоприятным для такого рода развития, а исключение вина предотвращает появление болезней.

2. Полезны также движения, поскольку они вообще совместимы с таким ранним возрастом.

<...> Полезно тотчас же, с малых лет, приучать детей к холоду: это самое подходящее средство и для поддержания здоровья, и для подготовки к перенесению воинских трудов. <...>

3. Вообще ко всему, к чему возможно приучить ребенка, лучше приучать его сразу же, с самого начала, но приучать постепенно. Детский организм благодаря имеющейся в нем теплоте вполне способен закаляться и хорошо переносить холод. Итак, вот какие и подобные им заботы полезно прилагать к детям в начальный период.

4. В следующем затем возрасте, до пяти лет, когда не годится еще ни начинать обучать ребенка чему-нибудь, ни обременять его какой-либо работой, чтобы все это не могло помешать его росту, следует позволять ему столько движения, сколько потребно для того, чтобы тело не оставалось в бездействии; для этой цели следует пользоваться как другими средствами, так и играми; однако эти игры должны соответствовать достоинству свободнорожденного человека, не слишком утомлять ребенка и не быть разнузданными.

5. Что касается рассказов и мифов, которые уместно слушать в таком возрасте, то об этом надлежит заботиться тем должностным лицам, которые зовутся педономами. Все это должно служить как бы преддверием для последующих занятий; поэтому и игры должны подражать будущим серьезным занятиям.

6. Совершенно неосновательно некоторые законодатели запрещают детям громкий крик и плач – то и другое содействует их росту, так как является для тела своего рода гимнастикой: задерживание дыхания развивает силу у работающих, а это бывает и с детьми, когда они надрываются криком.

О средствах воспитания

7. Разумно отстранять от ушей и глаз детей, даже в таком возрасте, все то, что не соответствует достоинству свободнорожденного человека. Да и вообще законодатель должен удалить из государства сквернословие, как и кое-что другое (потому что из привычки сквернословить развивается и склонность к совершению дурных поступков); в особенности у молодых, чтобы они не говорили сами и не слышали от других чего-либо подобного. Если же обнаружится, что кто-нибудь говорит или делает то, что запрещено, то человека свободнорожденного, но не зачисленного еще в сисситии, следует подвергать бичеванию, а если он уже старше этого возраста, то подвергать его бесчестью, недостойному свободного человека, из-за его рабского поведения.

8. Раз мы не допускаем в государстве подобных слов, то, очевидно, не позволяем также смотреть на непристойные картины или представления. Итак, должностные лица обязаны заботиться о том, чтобы никакая статуя или картина не представляла собой воспроизведения таких действий, за исключением только тех случаев, когда закон допускает непристойности в культе известных божеств; воздавать поклонение этим богам закон, впрочем, позволяет лишь людям, достигшим определенного возраста, притом и за себя, и за детей, и за жен.

Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – 644 с.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. XI–XVI вв.

В Древней Руси выделялось несколько типов семей – большая или патриархальная; малая, состоящая из родителей и их неженатых детей; неразделенная, представляющая собой кратковременное объединение нескольких малых семей, связанных родственными отношениями, в кризисной ситуации; расширенная, возникавшая в результате объединения малой семьи и отдельных родственников из других распавшихся семей.

После принятия в 988 году христианства на Руси и передачей церкви монопольного права на регулирование брачно-семейных отношений, взгляд на брак постепенно начинает меняться. Христианская религия стремилась придать браку возвышенное духовное значение и рассматривала брак как одно из религиозных таинств, во время совершения которого и обязательно при исполнении установленных церковью обрядов на молодоженов нисходит божья благодать.

На процесс формирования христианских брачно-семейных норм и свадебных ритуалов в Древней Руси большое влияние оказывали и древние языческие традиции, и византийское законодательство о семье и браке.

В Древней Руси семья являлась главным очагом воспитания и обучения для всех сословий. Семейное воспитание детей строилось на основе народно-педагогических традиций и находилось под общественным и даже государственным контролем. Родители в законодательном порядке были наделены обязанностями по подготовке детей к трудовой и семейной жизни.

В памятниках Древней Руси («Поучение Владимира Мономаха», «Домострой», «Повесть о Горе-Злочастии») высказывается идея о том, что первыми и главными воспитателями детей являются родители. В ряде нормативных документов того времени («Церковный устав Владимира Святославовича», «Русская Правда») на государственном уровне упорядочена единая семья, предприняты первые шаги по регулированию моральных устоев семьи и ответственности родителей за воспитание детей.

Основой семейного воспитания было послушание, богобоязнь, уважение родителей, трудолюбие и гражданственность. Семейное воспитание, основывавшееся на запретах и телесных наказаниях, было направлено на воспитание в детях смирения и благословлялось церковью.

Посредством религиозного воспитания семья обучала праведному житию, правилам общежития. Кроме того, в семье передавались и наследственные знания, навыки ремесел и промыслов. Особенно серьезно на Руси относились к воспитанию мальчиков, т.к. это был будущий воин.

«Поучение Владимира Мономаха»

Великий князь Владимир II
Всеволодович Мономах.
Портрет из Царского
титулярника. 1672 год

Автор «Поучения...» создает не только образ хорошего правителя, который должен быть религиозным, честным, отважным, мужественным, любить и защищать Родину, «старых чтить, как отца, а молодых, как братьев», но и высказывает мысли об ответственности родителей за воспитание детей. Не слова и наставления, на его взгляд, а пример, особенно отца, – действенный метод воспитания. Именно отец – глава семьи – должен быть примером трудолюбия, заботы о близких.

Дети мои! прочитав эти божественные слова, похвалите бога, давшего нам милость свою, и послушайте от худого моего разума наставления: если не все примете, то (хоть) половину.

20. Всего же прежде – убогих не забывайте, но по силе возможности кормите их, наделяйте сироту, вдовицу судите сами, а не давайте сильным погубить человека.

21. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убивать: если и будет повинен смерти, (все-таки) души христианской не губите.

22. Слово молвив, лихое или доброе, не клянитесь (в подтверждение) богом, не креститесь: нет в том никакой нужды; если же будете крест целовать к братьям или к иному – кому, спросите (сперва) сердце ваше, на чем можете устоять, – и на том целуйте, и, целовавши, блюдите, чтобы нарушением (клятвы) не погубить души своей.

24. Главное же – не имейте гордости ни в уме, ни в сердце; говорите: мы смертны: сегодня живы, а завтра в гробе; и все, что ты дал нам, – не наше, а твое; ты поручил нам лишь на краткое время. И в землю (со-кровищ) не хороните: то – великий грех.

25. Старого чтите, как отца, а молодых, как братьев.

26. В дому своем не ленитесь, но за всем наблюдайте сами; не полагайтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтобы посетители ваши не посмеялись над домом вашим и над обедом вашим.

27. На войну вышед, не ленитесь и не полагайтесь на воевод; не предавайтесь ни питью, ни еде, ни спанью; стражу расставляйте сами и,

все устроив около войска, на ночь ложитесь и раньше вставайте; оружия не торопитесь снимать с себя: не предусмотрев (опасностей) по лени, внезапно человек погибает.

28. Блюдайте себя от лжи, пьянства и разврата: в них погибает душа и тѣло.

30. Больного посетите; проводите усопшего: все мы смертны; не минуите человека, не приветив его и не сказав ему доброго слова.

31. Жен своих любите, но не давайте им власти над собою.

34. Что знаете доброго, того не забывайте; чего не знаете, тому учитесь: отец мой, например, дома сидя, изучил пять языков, — и в этом честь от других земель. Лениость всему мать: что умеет, то забудет; чего не умеет, тому не научится.

35. Если хотите быть добрыми, не можете лениться ни на что доброе, и прежде всего — к церкви: да не застанет вас солнце в постели: так делал блаженный отец мой и все добрые христиане. Воздав богу утреннюю хвалу, потом, когда увидите восходящее солнце, опять прославьте бога с радостью и скажите: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой красный», — и еще: «Господи, приложи мне лето к лету, дабы я, раскаявшись во грехах и исправив жизнь мою, мог восхвалить тебя».

Владимир Мономах, С.М. Соловьев и др. Поучение детям Владимира Мономаха. — СПб. : Типография и литография В.А. Тихонова, 1893.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА. XVI–XVIII вв.

Мишель Монтень (1533–1592)

Французский писатель и философ видел в ребенке природную индивидуальность, высказывался за внимательное отношение к детям. По суждениям Монтеня, ребенок превращается в личность не столько благодаря полученным знаниям, сколько развив способность критических суждений.

Воспитание должно способствовать развитию всех сторон личности ребенка, теоретическое образование должно дополняться физическими упражнениями, выработкой эстетического вкуса, воспитанием высоких нравственных качеств.

О воспитании

Недостаточно, однако, чтобы воспитание только не портило нас: нужно, чтобы оно изменяло нас к лучшему.

Природные склонности развиваются и укрепляются при помощи воспитания, но изменить и преодолеть их нельзя.

Приемы, к которым обращаются в земледелии до посева, хорошо известны, и применение их не составляет труда, как впрочем, и самый посев; но едва то, что посеяно, начинает оживать, как перед нами встает великое разнообразие этих приемов и множество трудностей, необходимых, чтобы его взрастить. То же самое и с людьми: невелика хитрость посеять их; но едва они появились на свет, как на вас наваливается целая куча самых разнообразных забот, хлопот и тревог, как же их вырастить и воспитать.

Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и стольких других! До чего непохожи были они на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности; люди же, быстро усваива-

ющие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик. Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, что они не в состоянии как следует усвоить. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах нужно неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души.

О методах воспитания

Обязанности наставника, которого вы дадите вашему сыну, – учитывая, что от его выбора, в конечном счете, зависит, насколько удачным окажется воспитание ребенка, – включают в себя также и многое другое, но я не стану на всем этом останавливаться, так как не сумею тут привести ничего путного. <...>

Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искомство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы, выбирая ему наставника, вы отнеслись к этому с возможной тщательностью; желательно, чтобы это был человек скорее с ясной, чем с напичканной науками головой, ибо, хотя нужно искать такого, который обладал бы и тем и другим, все же добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености; и нужно также, чтобы, исполняя свои обязанности, он применил новый способ обучения.

Нам без отдыха и срока жужжат в уши, сообщая разнообразные знания, в нас вливают их, словно воду в воронку, и наша обязанность состоит лишь в повторении того, что мы слышали. Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына отказался от этого обычного приема и чтобы с самого начала, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предоставил ему возможность свободно проявлять эти склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда указывая ему путь,

иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому. Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он слушал также своего питомца. <...>

В этом отношении особенно полезно общение с другими людьми, а также поездки в чужие края, не для того, разумеется, чтобы, следуя обыкновению нашей французской знати, привозить с собой оттуда разного рода сведения – о том, например, сколько шагов имеет в ширину церковь Санта-Мария Ротонда ..., но для того, чтобы вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других. Я бы советовал посылать нашу молодежь за границу в возможно более раннем возрасте и, чтобы одним ударом убить двух зайцев, именно к тем из наших соседей, чья речь наименее близка к нашей, так что, если не приучить к ней свой язык смолоду, то потом уж никак ее не усвоить.

Недаром все считают, что неразумно воспитывать ребенка под крылышком у родителей. Вложенная в последних самой природой любовь внушает даже самым разумным из них чрезмерную мягкость и снисходительность. Они не способны ни наказывать своих детей за проступки, ни допускать, чтобы те узнали тяжелые стороны жизни, подвергаясь некоторым опасностям. Они не могут примириться с тем, что их дети после различных упражнений возвращаются потными и перепачкавшимися, что они пьют, как придется, – то теплое, то слишком холодное; они не могут видеть их верхом на норовистом коне или фехтующими с рапирой в руке с сильным противником, или когда они впервые берутся за аркебузу. Но ведь тут ничего не поделаешь: кто желает, чтобы его сын вырос настоящим мужчиною, тот должен понять, что молодежь от всего этого не уберечь...

Недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его тело. Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она несет его за двоих. ... Когда атлеты своею выносливостью уподобляются философам, то здесь скорее сказывается крепость их мышц, нежели твердость души. Ибо привычка терпеливо трудиться – это то же, что привычка терпеливо переносить боль: *labor callum obducit dolori*. «Труд притупляет боль» (лат.). Нужно закалять свое тело тяжелыми и суровыми упражнениями, чтобы приучить его

стойко переносить боль и страдания от вывихов, колик, прижиганий и даже от мук тюремного заключения и пыток. Ибо надо быть готовым и к этим последним; ведь в иные времена и добрые разделяют порой участь злых. ...

Добавлю еще, что и авторитет воспитателя, который для ученика должен быть непререкаемым, страдает и расшатывается от такого вмешательства родителей. Кроме того, почтительность, которою окружает ребенка челядь, а также его осведомленность о богатстве и величии своего рода являются, на мой взгляд, немалыми помехами в правильном воспитании детей этого возраста.

Ребенка следует приучать к тому, чтобы он был бережлив и воздержан в расходовании знаний, которые он накопит; чтобы он не оспаривал глупостей и вздорных выдумок, высказанных в его присутствии, ибо весьма невежливо и нелюбезно отвергать то, что нам не по вкусу. Пусть он довольствуется исправлением самого себя и не корит другого за то, что ему самому не по сердцу; пусть он не восстает также против общепринятых обычаев. ... Пусть он избегает придавать себе заносчивый и надменный вид, избегает ребяческого тщеславия, состоящего в желании выделяться среди других и прослыть умнее других, пусть не стремится прослыть человеком, который бранит все и вся и пыжится выдумать что-то новое.

<...> Следует научить ребенка вступать в беседу или в спор только в том случае, если он найдет, что противник достоин подобной борьбы; его нужно научить также не применять все те возражения, которые могут ему пригодиться, но только сильнейшие из них. Надо приучить его тщательно выбирать доводы, отдавая предпочтение наиболее точным, а следовательно, и кратким. Но, прежде всего, пусть научат его склоняться перед истиной и складывать перед нею оружие, лишь только он увидит ее, независимо от того, открылась ли она его противнику или озаирала его самого. Ведь ему не придется подыматься на кафедру, чтобы читать предписанное заранее. Ничто не обязывает его защищать мнения, с которыми он не согласен.

Пока тело еще гибко, его нужно упражнять всеми способами и на все лады. И если воля и вкусы нашего юноши окажутся податливыми, нужно смело приучать его к образу жизни любого круга людей и любого народа, даже, при случае, к беспутству и излишествам, если это окажется нужным. Пусть он приспособливается к обычаям своего времени.

Он должен уметь делать все без исключения, но любить делать должен только хорошее.

<...> повторяю, что самое главное это прививать вкус и любовь к науке; иначе мы воспитаем просто ослов, нагруженных книжной премудростью. Поощряя их ударами розог, им отдают на хранение торбу с разными знаниями, но для того, чтобы они были действительным благом, недостаточно их держать при себе, – нужно ими проникнуться.

Я осуждаю всякое насилие при воспитании юной души, которую растят в уважении к чести и свободе. В суровости и принуждении есть нечто рабское, и я нахожу, что того, чего нельзя сделать с помощью разума, осмотрительности и умения, нельзя добиться и силой.

Вообще же обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда вместо того, чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения: нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру с хорошими задатками.

И действительно, лживость – гнуснейший порок. Только слово делает нас людьми, только слово дает нам возможность общаться между собой.

Кто ждет наказаний, несет его, а тот, кто его заслужил, ожидает его. Содеянное зло порождает терзания.

И часто по этой причине открытое выставление напоказ пороков оскорбляет больше, чем самый порок. Никому не нравится, чтобы за ним следили и проверяли его поступки. С них не спускают глаз, отмечая их манеру держаться и стараясь проникнуть даже в их мысли, ибо весь народ считает, что судить об этом – его право и его законный интерес. Я уже не говорю о том, что пятна кажутся больше на поверхности выдающейся и ярко освещенной и что царапина или бородавка на лбу сильнее бросается в глаза, чем шрам в месте не столь заметном.

Привычка – вторая природа и равна ей в могуществе. Если я чего-либо лишен, я считаю, что испытываю лишения.

Монтень, М. Опыты / М. Монтень; пер. А. С. Бобовича [и др.]. – М. : Эксмо, 2015. – 1226 с.

«Опыты» жизни. Изречения и афоризмы. М. Монтень / сост. Д. Н. Федотов. – М. : Центрполиграф, 2006. – 287 с.

Ян Амос Коменский (1592–1670)

Чешский педагог-гуманист, писатель, общественный деятель, епископ Чешскобратской церкви, основоположник научной педагогики, книгу «Материнская школа» посвятил анализу проблем воспитания дошкольников, способам их разрешения. Особое внимание уделил отношениям между детьми и родителями. Родители, указывает педагог, должны прилагать максимум старания для правильного воспитания своих творений. Родители заблуждаются, утверждает Я.А. Коменский, видя исполнение родительского долга в обучении детей: есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждой. Заботиться о теле, здоровье ребенка следует для того, чтобы оно стало достойнымместищем для нравственности, развитого ума и было освещено блеском истинной мудрости.

Предназначение родителей – давать возможность детям приобретать «изящные культурные навыки и обучаться всему, необходимому для жизни...», фактически Я.А. Коменский ставит перед родителями задачу разностороннего воспитания детей.

Каждая строчка книги «Материнская школа» дышит нежнейшей любовью и заботой о детях, желанием помочь родителям в трудном, важном и благородном деле – воспитании детей.

О детях

7. Если бы кто-либо пожелал основательно обсудить, почему Бог так любит маленьких детей и так строго предписывает нам попечение о них, тот найдет для этого много причин. Во-первых, если тебе теперь дети представляются не заслуживающими внимания, то смотри не на то, каковы они теперь, а на то, каковы они должны быть по начертанию божью*. Ты увидишь в них не только происшедших от нас обитателей мира и благодетелей вселенной, заместников Бога среди творений, но и наравне с нами соучастников Христу, царских жрецов, избранный народ, спутников ангелов, судей дьяволов, утешение небес, ужас ада, наследников небес во все века веков. Что можно придумать более возвышенного?

9. Но если бы мы поразмыслили даже над настоящим положением, то и то очевидно, почему дети, бесценное благо (в глазах Бога), должны быть такими и для родителей. Прежде всего потому, что они являются еще неоскверненным, а следовательно, и невинным образом Божиим (Ион. 4, 11). Ибо, за исключением одного только первородного греха, они еще пока не осквернились никаким преступным делом, не умея различать добра от зла, правой руки от левой.

12. Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, – это можно заключить из взаимного сравнения тех или других даров Божиих. Именно: во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодушевленные и не что иное, как попираемый ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети – Живые образы живого Бога.

14. В-третьих, золото и серебро – вещи ненадежные и скоро проходящие, а дети – бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, однако они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство. <...>

15. В-четвертых, золото и серебро происходят из земного праха, дети – из самой нашей сущности. Следовательно, они часть нашей сущности, и их следует нам любить не меньше, чем самих себя. Поэтому в природу всех животных Бог вложил такую любовь к своим детям, что иногда за их спасение они готовы пожертвовать своею собственною жизнью. Если кто-либо такую любовь перенес бы на золото и серебро, то на суде самого Бога был бы осужден за идолопоклонство.

16. В-пятых, золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь общим всем, а дети, по Божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого права, отнять у него это достояние. Ведь это введение исходит с небес и является неотъемлемым наследством.

17. В-шестых, хотя золото и серебро – также дары Божий, однако такие дары, которым Бог с небес не обещал охраны ангелов. <...> А забота о малых детях ... всегда вверяется ангельскому попечению. Итак, у кого в доме есть дети, тот может быть уверен, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Всякий, кто покоится окруженный ночной темнотой с ребенком, может питать твердую надежду, что он

вместе с детьми охраняется ангелами, чтобы не имел доступа дух тьмы. Как это значительно!

О цели воспитания

3. Поэтому родители недостаточно исполняют свой долг, если научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждой, ибо все это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижинкой для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нем и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке. <...>

8. Словом, должна быть твердо установлена троякая цель воспитания юношества: 1) Вера и благочестие. 2) Добрые нравы. 3) Знание языков и наук. И все это в том самом порядке, в котором предлагается здесь, а не наоборот. Прежде всего нужно приучать детей к благочестию, затем – к добрым нравам или добродетелям, наконец – к более полезным наукам. Чем более, однако, они могут сделать успеха в этом последнем, тем лучше.

О воспитании

3. Поэтому родители не должны откладывать воспитание до обучения своих детей учителями и служителями церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети начинали возрастать в мудрости и любви у Бога и людей.

О содержании воспитания

7. А что касается нравов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

(1) *Умеренностью*; их нужно научить есть и пить сообразно с требованием природы; не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости.

(2) *Опрятностью*, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.

(3) *Почтительностью* к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.

(4) *Предупредительностью*, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все.

(5) Крайне необходимо, чтобы они научились *говорить* правду, чтобы все их речи были по учению Христа: что есть – то есть, чего нет – того нет*. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то что есть, серьезно или в шутку.

(6) Также нужно приучать их к *справедливости*, чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.

(7) Нужно также внушать им *благотворительность*; быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.

(8) Чрезвычайно полезно *приучать их к труду*, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.

(9) Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы или когда говорят другие.

(10) Нужно приучать их к *терпению*, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по их мановению; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.

(11) Так как *деликатность (гуманность)* и *готовность служить старшим* является особенным украшением юношества, то будет уместным, чтобы и к этому также приучались они с детства.

(12) Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.

(13) А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться *держаться с достоинством*, во всем вести себя сдержанно и скромно. <...>

8. Что касается свободных искусств, то они делятся на три разряда. Ведь мы учимся *одно – знать, другое – делать, третье – говорить*, или лучше – *всему (знать, действовать, говорить)*, кроме дурного.

9. В первые шесть лет ребенок начнет познавать следующее:

(1) Относительно природных явлений в том, что касается физики, он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли – и научится называть дождь, снег, свинец, лед, железо и пр. К этому он присоединит названия деревьев и некоторых, более известных и более часто встречающихся трав и цветов: фиалки, карнофиллы, розы; также различия животных: что такое птица, животное, конь, корова и пр.; наконец, как называются внешние части тела, для какой цели они предназначены: уши – чтобы слушать, ноги – чтобы бегать и пр.

(2) Из *оптики* им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.

(3) В *астрономии* – различать солнце, луну и звезды.

(4) В *географии* – место, где он родился и где он живет: деревню, город, крепость или замок. Что такое поле, что такое гора, луг, лес, река и пр.

(5) Ребенок схватит первые линии *хронологии*, если узнает, что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.

(6) Началом *истории* будет, если он может запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это было бы по-детски, и воспоминание об этом было бы слабым и как бы туманным.

(7) Из *экономики* (хозяйства) ребенок должен узнать, кто относится к составу семьи и кто нет.

(8) Из *политики* – узнать кого-либо в государстве, консула (бюргермейстера), сенатора (члена совета) или судью (фогта); равным образом узнать о том, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

<...> (1) Начала *диалектики* в первые шесть лет могут быть усвоены лишь настолько, чтобы ребенок понимал, что такое вопрос, что такое ответ, и научился на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.

(2) Основами *арифметики* будет, если ребенок будет знать, что такое много или что такое мало, и будет уметь считать до 20 или до 60 и будет понимать, что такое число четное или нечетное, а также что 3 более 2; 3 и 1 = 4 и пр.

(3) Из *геометрии* он узнает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое. <...>

(5) Началом какого-либо *ремесла или труда* будет, если дети научатся тому, что им так свойственно: рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

11. Что касается *языка*, то он развивается грамматикой, риторикой и поэтикой.

(1) *Грамматика* для первых шести лет будет состоять в том, чтобы ребенок мог назвать столько вещей, сколько их знает, хотя бы он мог выразить это пока и с ошибками, но ясно и отчетливо, чтобы его можно было понять.

<...> (3) Начало *поэтики* будет заключаться в том, чтобы заучить наизусть несколько стихшков или рифм.

13. Итак, вообще я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: (1) в понимании вещей; (2) в физических трудах и в ловкости; (3) в искусстве речи; (4) в нравах и добродетелях; (5) в благочестии; (6) так как основой всего этого является жизнь и крепкое здоровье, то прежде всего будет указано, каким образом, при тщательном попечении родителей, можно сохранить детей здоровыми и невредимыми.

О здоровье

18. И вообще за здоровьем детей нужно следить с величайшей тщательностью, так как их небольшое тело хрупко, кости мягки, кровеносные сосуды слабы, ни один член еще не развился вполне и совершенно. Итак, нужна разумная предусмотрительность в том, как ребенка взять на руки, приподнять, носить, положить, спеленать, качать в колыбели, чтобы по неосторожности не повредить ему, как бы он не упал из рук, не ушибся, а оттуда – как бы не лишился зрения или слуха, не стал хромым или увечным. Ребенок – более дорогое сокровище, чем золото, но он более хрупок, чем стекло, легко может подвергнуться сотрясению и быть искалеченным, а происходящий отсюда вред непоправим.

19. <...> Говоря кратко, нужно заботиться о том, чтобы слабое здоровье детей не потерпело ущерба от ушибов или от чрезмерного жара и холода, от обилия пищи или питья или от голода и жажды, но чтобы во всем имела место умеренность.

20. Будет также полезным соблюдать упорядоченный образ жизни, а именно: несколько раз в день нужно ребенку ложиться спать и снова вставать, несколько раз его кормить или развлекать игрой, так как это весьма полезно для здоровья и является основой порядка в будущем.
<...>

21. И так как наша жизнь – огонь, а огонь немедленно гаснет, если не будет иметь притока воздуха и постоянного движения, то дети, по необходимости, должны иметь свои ежедневные упражнения и движения. <...> А когда несколько подросший ребенок начинает владеть ногами, можно ему позволить бегать и выполнять то или другое дело. Чем больше ребенок что-либо делает, бегаёт, играет, тем лучше он спит, тем легче варит его желудок, тем быстрее он растёт, тем он становится сильнее физически и духовно. Только нужно следить за тем, чтобы он не ушибся где-нибудь. Поэтому также для бегания и для упражнения нужно найти безопасное место для детей и показать такой способ упражнения, который был бы безвредным <...>.

О методах воспитания

2. Необходимо постоянно показывать детям *хороший пример*, так как Бог даровал детям как бы свойство обезьян, а именно: страсть подражать всему тому, что на их глазах делают другие. Так, хотя бы ты никогда ничего не предписывал ребенку делать, только бы на глазах его что-либо говорил или делал, ты увидишь, что, подражая, он попытается делать то же; это подтверждается постоянным опытом. Поэтому в том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность, чтобы не произошло чего-либо противного добродетели, но чтобы все соблюдали умеренность, опрятность, уважение друг к другу, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, то, несомненно, не нужны будут ни множество слов для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые нарушают правила нравственности, то не удивительно, что и дети также подражают тому, что видят у других, да и вообще свойственно начинать с погрешностей, и наша природа сама по себе наклонна ко злу.

3. Однако к этому свойству нужно будет присоединить своевременные и *разумные наставления*. Уместно будет учить детей словами тогда, когда мы видим, что примеры действуют на них недостаточно, или когда, желая подражать примеру других, они делают это недостаточно умело. Здесь-то и будет полезно дать им наставление, чтобы они вели себя так, а не иначе: вот, смотри, как делаю я, как делает отец и мать. <...> Прибегать к слишком длинным увещаниям или говорить длинные речи еще не время, да и ни к чему не приведет.

4. Чтобы дети более обращали внимание на примеры добродетелей и на увещания, иногда нужно также *наказание*. Есть две ступени наказания. Первая ступень – окрик на мальчика, если он в чем-либо ведет себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясен и чтобы в то же время он почувствовал страх и следил за собой.

Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести с последующим увещанием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если будет заметно исправление, то будет полезно немедленно или немного позже снова его *похвалить*. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. <...>

О дисциплине

6. Совершенно правильно сказано: кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей. Ибо должно исполняться Писание, кото-

рое утверждает, что розга и наказание приносят мудрость, а своевольный ребенок покрывает свою мать стыдом (Притч. 29, 15). <...> Если родители не повинуются этому совету, то получают от детей своих не наслаждение и покой, а позор, укоризну, огорчение и беспокойство. Часто приходится слышать от родителей такие жалобы: у меня плохие и безнравственные дети, один – безбожник, другой – расточитель, а тот – человек безрассудный. И что удивительного, мой друг, если ты жнешь то, что посеял? Ты посеял в их сердце своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не выростало бы так уродливо. Но так как весьма многие пренебрегают дисциплиной, то нет ничего удивительного, что молодежь везде вырастает своевольной, дикой, безбожной <...>.

Коменский, Я. Материнская школа или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет / Я. А. Коменский. – М. : Учпедгиз, 1947. – 104 с.

Джон Локк (1632–1704)

Английский философ, просветитель и государственный деятель в выдвинутой концепции воспитания и образования. Обосновал факторы развития личности и роль воспитания, цели, задачи, содержание, методы образования.

О здоровье

§ 7. Я советовал бы также обмывать ему ежедневно ноги холодной водой, а обувь делать настолько тонкой, чтобы она промокала и пропускала воду, когда ему случится ступить в нее. Боюсь, что против меня ополчатся матери и служанки. Первые найдут, что это слишком грязно, а вторые, вероятно, решат, что им придётся слишком много трудиться над чисткой его чулок. Но ведь поистине здоровье дороже (во много раз дороже) всех этих соображений. Всякий, кто подумает о том, как вредно и опасно промачивать ноги нежно воспитанным молодым

людям, пожалеет, что он не ходил босиком, подобно детям бедных родителей, которые благодаря этому, в силу привычки, настолько легко переносят сырость ног, что не больше от неё простужаются и не больше терпят вреда, чем от сырости рук.

<...> Для предотвращения этой опасности нужно обувь мальчиков делать так, чтобы она пропускала воду, а также ежедневно мыть им ноги в холодной воде. Это можно рекомендовать и по соображениям чистоты; но здесь я имею в виду интересы здоровья и поэтому не приурочиваю мытьё ног к точно определённом времени дня. <...> Важна сама цель – закаливание этих частей тела путём частого и вошедшего в привычку обмывания холодной водой и предупреждение таким способом того вреда, который причиняется людям, иначе воспитанным, когда они случайно промачивают ноги; поэтому выбор времени – дня или вечера – можно, мне думается, предоставить благоразумию и удобству родителей. <...> К тому же указанный приём предохраняет и от мозолей, что для некоторых явится очень ценным вознаграждением. Только начинайте это делать весной, с тепловатой водой, и переходя постепенно ко всё более холодной, пока через несколько дней не перейдёте к совершенно холодной; затем уже продолжайте так и зимой и летом. Здесь, как и в других случаях отступлений от обычного образа жизни, необходимо следить за тем, чтобы перемена достигалась мягкими и нечувствительными переходами: таким путём мы можем приучить своё тело ко всему, не испытывая страданий и не подвергая себя опасности. <...> Всем известны теперь многочисленные случаи, когда холодные купания производят чудеса над людьми с больной и слабой конституцией, возвращая им здоровье и силу; такие купания не могут поэтому быть бесполезны или непереносимы, когда речь идёт о физическом укреплении и закаливании тех, кто обладает лучшей конституцией.

§ 9. Также очень полезно для всякого, и особенно для детей, проводить много времени на открытом воздухе и как можно меньше бывать возле огня, даже зимою. Этим путём мальчик также будет приучаться к жаре и холоду, к солнцу и дождю; а если тело человека не привыкнет их переносить, оно будет плохо служить ему на этом свете; взрослому же человеку слишком поздно начинать привыкать к ним. Привыкать надо с ранних лет, и притом постепенно: таким путём можно сделать тело выносливым почти ко всему. <...>

§ 10. Игра на открытом воздухе, насколько мне известно, скрывает в себе только одну опасность, которая заключается в том, что дети, разгорячённые бегом, садятся или ложатся на холодную землю. Эту

опасность я признаю; также и холодное питьё, когда человек разгорячён работой или физическими упражнениями, уносит в могилу или близко подводит к ней, причиняя лихорадку или другие болезни, большее количество людей, чем какая-либо другая известная мне причина. Эти вредные последствия легко предупреждать, когда ребёнок мал, так как в этом возрасте он редко остаётся без присмотра. И если в детские годы ему будут постоянно и строго запрещать садиться на землю и пить холодную жидкость, то правило предосторожности, превратившись в привычку, сильно поможет ему оберечь себя, когда он выйдет из-под надзора своей няни или воспитателя. <...>

О дисциплине

§ 34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребёнка послушной дисциплине и разуму, и как раз в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны – скажу я – позволять ей переходить в слепую влюблённость. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя, видите ли, ни в чём перечить детям; надо во всём предоставить им возможность поступать по своей воле; а так как дети в свои годы не способны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту.

§ 35. <...> Так, родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус. Ибо, когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они становятся совсем взрослыми, слишком взрослыми, чтобы можно было с ними нянчиться, и их родители не могут больше забавляться ими как игрушками, тогда родители начинают жаловаться, что мальчишки-де непослушны и испорченны, тогда им уже неприятно видеть их своеволие, и их уже смущают дурные наклонности Детей, которые они сами посеяли и поощряли в них, тогда – быть может, уже слишком поздно – они были бы рады вырвать те сорные травы, которые

посеяли собственными руками и которые теперь пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать. Ибо если ребёнок привык во всём проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое? <...>

О пороках

§ 37. <...> Я хотел бы знать, можно ли назвать какой-либо порок, которому родители и те, кто непосредственно смотрит за детьми, не научили бы последних, порок, семена которого не были бы брошены ими в детские души, как только дети стали способны воспринимать порок. Говоря это, я не имею в виду те примеры, которые родители и воспитатели сами дают детям, те образцы поведения, которые они выставляют перед ними напоказ и которые уже сами по себе служат достаточным поощрением; я хочу здесь обратить внимание на прямое обучение пороку, на активное сбивание детей с пути добродетели. Ещё прежде чем дети научатся ходить, им внушают правила насилия, мести и жестокости. <...> И если их с малых лет научили, что можно бить и обижать других чужими руками, и забавляться обидой, нанесённой другому, и смотреть на чужие страдания, то разве этим они не подготовляются к тому, чтобы делать то же самое, когда они станут достаточно сильными и будут в состоянии давать чувствовать свою силу и бить других уже с какой-либо целью?

Одежду, которой мы прикрываем наши тела из скромности и в целях согревания и защиты, родители – вследствие своего безрассудства или порочности – рекомендуют своим детям для иного применения. Она стала предметом тщеславия и соперничества. Ребёнку внушается желание иметь новый костюм, чтобы в нём пощеголять; а когда маленькая девочка нарядится в своё новое платье и в новую шапочку, может ли её мамаша, называющая дочку своей королевой, своей принцессой, не научить её – самое меньшее – любоваться собой? Таким путём маленькие дети приучаются гордиться своим платьем ещё раньше, чем научились сами надевать его. А если родители их этому научили в столь раннем возрасте, то почему же им не продолжать в дальнейшем ценить себя за внешнее изящество изделий портного или модистки?

<...> Людям низших сословий нехватка средств не позволяет поощрять у своих детей неумеренность, вводя в соблазн изысканной пищей или упрашиванием есть и пить больше, чем нужно; но дурные примеры, которые они подают своим детям в такие моменты, когда у них бывает достаток, показывают, что их удерживает от излишеств не отвращение

к пьянству и обжорству, а лишь недостаток средств. Но заглянем в дома тех, кому живётся лучше: здесь еда и питьё превратились в столь важное дело и в них находят такое счастье жизни, что если дети не получают своей доли, то в этом видят пренебрежительное к ним отношение. <...>

§ 38. Мне кажется ясным, что основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их. Эту способность надо приобретать и совершенствовать посредством привычки, которая становится лёгкой и естественной, если упражняться в ней с ранних лет. Поэтому, если бы я мог рассчитывать, что меня слушают, то я бы посоветовал – в противоположность тому, что обычно делают, – приучать детей с самой колыбели подавлять свои желания и не руководствоваться своими влечениями. Первое, чему они должны научиться, – это понимать, что они получают ту или иную вещь не потому, что она им понравилась, а только потому, что она была признана подходящей для них. Если бы им давали только то, что им действительно необходимо, и всегда отказывали бы им в том, чего они требуют с плачем, они научились бы обходиться без желаемого и никогда не настаивали бы на своём с плачем и капризами; они бы и наполовину не были столь несносными для себя и для других, какими становятся обычно, если их с самого начала не воспитывают, как я предлагаю. Если никогда не допускать исполнения их желаний только из-за выражаемого ими нетерпения, они так же мало будут плакать при отказе в чём-либо другом, как мало плачут из-за того, что им не дают луны с неба.

О методах воспитания

§ 43. <...> очень строгие наказания приносят в воспитании очень мало пользы, напротив – они причиняют большой вред, то можно, мне думается, установить, что при прочих равных условиях те дети, которые особенно часто подвергались наказаниям, редко выходят хорошими людьми. Всё, на чём я до сих пор настаивал, сводится лишь к тому, что строгость, поскольку она необходима, тем уместнее, чем дети моложе, и что, если она при правильном применении произвела свой эффект, её следует ослабить и заменить более мягким способом обращения.

§ 44. Послушание и уступчивость, внушённые детям *настойчивостью родителей* в столь раннем возрасте, что дети не могут помнить, как эти качества у них появились, будут казаться детям естественными и в дальнейшем будут проявлять своё действие с силой природных качеств, предупреждая всякое сопротивление и недовольство. Нужно

лишь позаботиться об одном: начать применение этого метода в раннем возрасте, а затем неуклонно его держаться до тех пор, пока почтительный страх и уважение к родителям не войдут у детей в привычку, пока не исчезнут малейшие проявления непокорности с их стороны и они не проникнутся готовностью слушаться. Именно эта почтительность, если только удалось укрепить её в детях (а этого следует добиться в раннем возрасте, ибо иначе эта почтительность может быть достигнута лишь ценою усилий и побоев, которых потребует тем больше, чем позже начинают воспитывать, в сочетании с такой мерой снисходительности, которая не позволила бы детям использовать эту снисходительность во зло), должна явиться в будущем, после того как дети подрастут и сделаются разумнее, средством воздействия на них, а не побои, брань или другие унижительные наказания.

§ 47. Обычный метод воздействия телесным наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан воспитателями и доступен их пониманию, является наименее пригодным из всех мыслимых приёмов воспитания <...>.

§ 48.1 <...> В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребёнком, который только из страха быть высеченным, вопреки своему влечению корпит над книгой или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдаёт предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. <...> Я не могу поэтому признать полезным для ребёнка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершённый поступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§ 49.2. Этот метод исправления естественно порождает в ребёнке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, потому что из-за этих вещей они подвергаются побоям, брани и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приёмами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его заставляли развлекаться побоями и бранью? <...> Неприятная обстановка обычно отвращает самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство,

вызывает у вас тошноту, и ничто находящееся в этой чашке уже не будет доставлять вам удовольствие, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§ 52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими дисциплинарными мерами при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко, и притом только по серьёзным основаниям, и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей путём награждения их вещами, которые им нравятся. Кто даёт своему сыну яблоко, или пряник, или какой-либо другой из наиболее любимых им предметов этого рода с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нём. Вы никогда не сможете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказывать в удовлетворении своему пристрастию к богатству, щегольству, лакомству и прочему, когда разум советует, а долг требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или вознаграждаете за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка, когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему всё это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них своё счастье? Так неправильно люди пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие в грамматике, в танцах и в некоторых других подобных предметах, не имеющих большого значения для их счастья или полезности в их жизни, и тем самым жертвуют добродетелью детей, извращают правила их воспитания и приучают к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь обуздывая наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму.

Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1988. – 668 с.

РОССИЯ. XIX в.

Семья представляла собой строгую иерархию её членов, а проявлялась эта иерархия в том, что каждый член семьи выполнял свою определённую функцию. Главой семьи являлся отец семейства (в семьях всех сословий). Подобно тому, как Бог управляет судьбами людей, монарх – государством, так и отец в семье должен был управлять её членами и заботиться об их благополучии. Отец был представительным лицом своей семьи в обществе и, наоборот, представлял целое общество в своей семье. Считалось, что долг каждого мужчины перед людьми и Богом стать отцом. Главная роль женщины в семье состояла в ведении домашнего хозяйства и беспрекословное повиновение мужу.

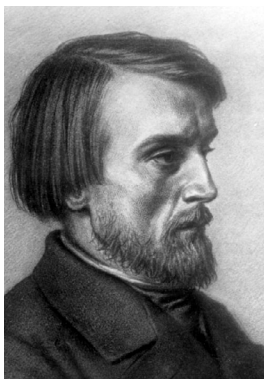
На протяжении многих веков образ отца сложился как человека, воплощавшего закон и долг, которому дано право определять жизнь детей, принимать решения, обеспечивающие их счастье и благополучие, наказывать и миловать. Именно поэтому отец, не вмешиваясь в мелкие домашние заботы и хлопоты, всегда выступал на первый план в ответственные моменты жизни своих детей и в спорах выполнял роль судьи в последней инстанции.

Мать должна была не просто произвести ребенка на свет, но вырастить его и воспитать. Под материнской опекой проходили обычно первые 5–7 лет жизни ребенка. Когда дети подрастали, мать начинала в большей степени заниматься воспитанием девочек, стараясь подготовить их к будущей жизни, в которой им придется быть женами, матерями, хозяйками. На матери лежала ответственность за нравственный климат в семье, поддержание в ней согласия и покоя. Она должна была предотвращать проявления насилия в семье, унимать поссорившихся, регулировать внутрисемейные конфликты.

Детей в семье было много, самого разного возраста. К числу членов семьи причислялись и все бабушки, дедушки, дяди, тёти, двоюродные и троюродные родственники. Все они имели право, и даже считали своим долгом, вмешиваться в воспитание детей своих родственников.

Семья в эту эпоху имела такую значимость, что даже после начала самостоятельной жизни или вступления в брак – ребёнок не имел права ни в чём перечить родителям, должен был считаться с их мнением.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848)

В статье «О детских книгах» (1840) наиболее полно отражены взгляды В.Г. Белинского на первоначальное семейное воспитание и обучение детей.

Общественной задачей родителей, считал Белинский, является *нравственное воспитание детей*, именно оно служит основной цели – *воспитанию будущего человека*.

Важная часть нравственного – воспитание у детей чувства патриотизма. Средствами воспитания у детей чувства патриотизма Белинский считал беседы, сказки, детские книжки о родном крае, России, жизни русского народа.

О детских книгах

<...> Посмотрите внимательнее на отношения родителей к детям, детей к родителям, словом, посмотрите внимательнее на воспитание – и у вас сердце обольется кровью. Ребенок ест что ни попало и сколько хочет: что нужды! говорят нежные родители: ведь он еще дитя! Ребенок мучит собаку или колотит дворового мальчишку: что нужды! восклицают заботливые родители: ведь он еще дитя! Дети ссорятся, кричат между собою, и если их крик, брань и слезы не мешают папеньке и маменьке соснуть после обеда или поговорить с гостями, – что нужды – ведь они дети, пусть себе ссорятся и кричат: вырастут велики, не будут ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись друг с другом, дети прибегают к отцу и матери с жалобой друг на друга – и! помилуйте! стоит ли разбирать детские ссоры! Если вы строги, дайте всем по щелчку или пересеките всех розгами, *чтоб никому не было завидно*; если вы добры к детям или воспитываете их *на благородную ногу*, – дайте им игрушек или сластей, да, перецеловав их, вышлите от себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенок не учится, не хочет и слышать, чтоб взять в руки книгу: что за нужда, ведь он еще дитя – подрастет, будет поумнее, так станет и учиться! Ребенок хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомия с картинками или Аретин с гравюрами: что за нужда – ведь он еще дитя! благо, что охота к книгам есть – пусть лучше навикает читать, чем резвиться! Учитель говорит отцу, что грамматика, которую он купил для сына, не годится, что она или уж устарела,

или бестолкова, бессмысленна, что ее не понимает сам автор, не знающий ни духа, ни характера языка: это еще что за новости! восклицает опытный и благоразумный родитель: ведь он дитя – для него всякая книга годится, а за эту я заплатил деньгами, стало быть, хороша!.. А между тем заговорите с «дражайшими родителями» о детях и воспитании: сколько общих фраз, сколько ходячих истин наговорят или *нарезонерствуют* они вам! «Ах, дети! да! как тяжело иметь детей! сколько забот! надо вырастить да и воспитать! Мы ничего не щадим для воспитания своих детей! Из последних сил бьемся! Я отдал своих в училище, покупаю книги – тьма расходов! А мы для своих приискали *мадам* (или *мамзель* – провинциальные названия *гувернанты*!), чтоб они и по-французски знали и на фортопьянах играли!» В добрый час, дражайшие родители!..

<...> Но это в сторону: дело в том, что в этом кругу общества воспитание состоит в том, чтобы убить в детях всякую жизнь и живость, сделать из них попугаев и милых кукол, о которых бы все говорили: ах, как хорошо они воспитываются!..

О воспитании

Воспитание! Оно везде, куда ни посмотрите, и его нет нигде, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидеть даже во всех слоях общества, от самого высшего до самого низшего, но как редкость, как исключение из общего правила. Отчего же это? Да оттого, что на свете бездна родителей, множество *rapas et mamans*, но мало отцов и матерей. «Вот прекрасно! – восклицаете вы – Какая же разница между родителями и отцом и матерью?». – Как какая? – взгляните летом на мух: какая бездна родителей, но где же отцы и матери? Грибоедов давно уже сказал:

Чтоб иметь детей,

Кому ума не доставало!

Право рождения – священное право на священное имя отца и матери, – против этого никто и не спорит; но не этим еще все оканчивается: тут человек еще не выше животного; есть высшее право – родительской любви, <...>

Воспитание – великое дело: им решается участь человека. Молодые поколения суть гости настоящего времени и хозяева будущего, которое есть их настоящее, получаемое ими как наследство от старейших поколений. Как зародыш будущего, которое должно сделаться настоящим, каждое из них есть новая идея, готовая сменить старую идею... Но новое, чтоб быть действительным, должно исторически развиваться из старого, – и в этом законе заключается важность воспитания, и им же

условливается важность тех людей, которые берут на себя священную обязанность быть воспитателями детей.

<...> Но общественное образование, преимущественно имеющее в виду развитие умственных способностей и обогащение их познаниями, совсем не то, что воспитание домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другого заменить не может. <...>

Так! на родителях, на одних родителях лежит священнейшая обязанность сделать своих детей *человеками*; обязанность же учебных заведений – сделать их учеными, гражданами, членами государства на всех его ступенях. Но кто не сделался прежде всего *человеком*, тот плохой *гражданин*, плохой слуга государю. Из этого видно, как важен, велик и священ сан воспитателя: в его руках участь целой жизни человека.

О родительской любви

Отец и мать любят свое дитя, потому что оно их рождение. Родство крови есть первая и в то же время священная основа любви, ее исходный пункт, от которого движется ее развитие. Восставать против этого могут только или отвлеченные умы, рассудочные люди, неспособные проникнуть ни в какую живую, явленную истину, или сердца холодные, сухие, мертвые, если не порочные и не развратные. Но, повторяем, естественная любовь, основывающаяся на одном родстве крови, еще далеко не составляет того, чем должна быть человеческая любовь. Из родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крепко, одно истинно и действительно, одно достойно высокой и благородной человеческой природы. Посмотрите: сколько на свете дурных детей, которые теряют к родителям всякую любовь, но оказывают к ним только внешнее, формальное уважение, как скоро избавляются, летами и обеспечением своего состояния, от их власти и влияния, и к тому же не ждут себе никакого наследства после их смерти. Сколько бывает в свете ужасных примеров детей, не оказывающих родителям даже и внешнего уважения, требуемого общественными приличиями, – даже детей, оскорбляющих своих родителей, если те не решаются прибегнуть к гражданскому закону... Страшное, возмущающее душу зрелище! Бедные родители, несчастные дети! Да, *несчастные*, – и, жалея о первых, не спешите проклинать последних, но подумайте о том – природа ли создает извергов или воспитание и жизнь делают их такими? Мы не отвергаем, чтобы природа не производила людей, наклонных к пороку, но мы вместе с тем крепко убеждены, что такие явления возможны как исключения из общего правила и что нет столь дурного человека, которого бы хорошее воспитание

не сделало лучшим. Горе дурным детям! почему бы они ни сделались такими – от дурного ли воспитания, по вине родителей или от случайных обстоятельств, – но они несчастны, потому что не знают счастья сыновней любви и не могут иметь надежду вкусить счастье любви родительской. Но тем не менее должно вникать в причины их нравственного искажения, если не для оправдания их, то для оправдания истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительного примера, в предотвращение таких возмущающих душу явлений. Мы сказали, что отец любит свое дитя, потому что оно его рождение; но он должен любить его еще как будущего человека, которого бог нарек сыном своим и за спасение которого он принял на кресте страдание и смерть. При самом рождении, отец должен посвятить свое дитя служению бога в духе и истине, – и посвящение это должно состоять не в отторжении его от живой действительности, но в том, чтобы вся жизнь и каждое действие его в жизни было выражением живой, пламенной любви к истине, в которой является бог. Только такая любовь к детям истинна и достойна называться любовью; всякая же другая есть эгоизм, холодное самолюбие. Вся жизнь отца и матери, всякий поступок их должен быть примером для детей, и основой взаимных отношений родителей к детям должна быть любовь к истине, но не к себе. Есть отцы, которые любят детей для самих себя, – и в этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любят своих детей для них самих, – и эта любовь выше, истиннее, разумнее; но, при этих двух родах любви, есть еще высшая, истиннейшая и разумнейшая любовь к детям – любовь в истине, в боге. Любит ли отец своего сына, если заставляет его смотреть с уважением на свои дурные и безнравственные поступки, как на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать от дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрению, белое называло черным, а черное белым? Тут нет любви, тут есть только самолюбие, которое свою личность ставит выше истины. А между тем у ребенка всегда будет столько смысла, чтобы, видя, как его маменька колотит по щекам девок или как его папенька напивается пьян и дерется с маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, приучая к таким сценам с малолетства и толкуя, что это хорошо, можно наконец уверить ребенка, что в сем-то и состоит истинная жизнь; но это значит развратить, погубить его: где ж тут любовь? – тут только самолюбие, которое в своих детях хочет видеть собственное безобразие, чтобы не иметь в них себе строгих, хотя и безмолвных судей. Вопреки законам природы и духа, вопреки условиям развивающейся личности, отец хочет, чтобы его дети смотрели и видели не своими, а его глазами; преследует и убивает в них

всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, как нарушение сыновнего уважения, как восстание против родительской власти, – и бедные дети не смеют при нем рта разинуть, в них убита энергия, воля, характер, жизнь, они делаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками – хитростью, лукавством, скрытностью, лгут, обманывают, вывертываются...

<...> Разумная любовь должна быть основой взаимных отношений между родителями и детьми. Любовь предполагает взаимную доверенность, – и отец должен быть столько же отцом, сколько и другом своего сына. Первое его попечение должно быть о том, чтобы сын не скрывал от него ни малейшего движения своей души, чтобы к нему первому шел он и с вестью о своей радости или горе, и с признанием в проступке, в дурной мысли, в нечистом желании, и с требованием совета, участия, сочувствия, утешения. Как грубо ошибаются многие, даже из лучших отцов, которые почитают необходимым разделять себя с детьми строгостью, суровостью, недоступною важностью! Они думают этим возбудить к себе в детях уважение, и в самом деле возбуждают его, но уважение холодное, боязливое, трепетное, и тем отвращают их от себя и невольно приучают к скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы детьми, но уважение детей должно проистекать из любви, быть ее результатом, как свободная дань их превосходству, без требования получаемая. Ничто так ужасно не действует на юную душу, как холодность и важность, с которыми принимается горячее излияние ее чувства, ничто не обливает ее таким умерщвляющим холодом, как благоразумные советы и наставления там, где ожидает она сочувствия. Обманутая таким образом в своем стремлении раз и другой, она затворяется в самой себе, сознает свое одиночество, свою отдельность и особность от всего, что так любовно и родственно еще недавно окружало ее, и в ней развивается эгоизм, она приучается думать, что жизнь есть борьба эгоистических личностей, азартная игра, в которой торжествует хитрый и безжалостный и гибнет неловкий или совестливый. Открытая душа младенца или юноши – светлый ручей, отражающий в себе чистое и ясное небо; запертая в самой себе, она – мрачная бездна, в которой гнездятся нетопыри и жабы... Если же не это, может случиться другое: индивидуальность человеческая, по своей природе, не терпит отчуждения и одиночества, жаждет сочувствия и доверенности подобных себе, – и дети сдружаются между собою, составляют род общества, имеющего свои тайны, общими и соединенными силами скрываемые, что никогда до добра не доводит. Это бывает еще опаснее, когда друзья избираются между чужими,

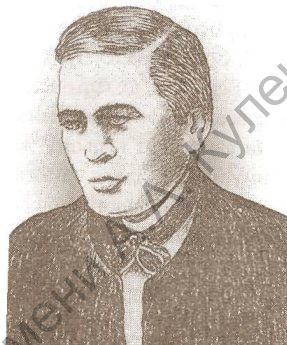
и тем более когда избранный друг старше избравшего: он берет над ним верх, приобретает у него авторитет и передает ему все свои наклонности и привычки, – что же, если они дурны и порочны?... Нет! первое условие разумной родительской любви – владеть полной доверенностью детей, и счастливы дети, когда для них открыта родительская грудь и объятия, которые всегда готовы принять их и правых и виноватых и в которые они всегда могут броситься без страха и сомнения!

<...> Нужно ли доказывать, что при *таком* воспитании родители одною ласкою могут делать из своих детей все, что им угодно; что им ничего не стоит приучить их с малолетства к выполнению долга – к постоянному, систематическому труду в определенные часы каждого дня (важная сторона в воспитании: от упущения ее много губится в человеке!)? Нужно ли говорить, что таким родителям очень возможно будет обратить труд в привычку, в наслаждение для своих детей, а свободное от труда время – в высшее счастье и блаженство? Еще менее нужно доказывать, что при таком воспитании совершенно бесполезны всякого рода унижительные для человеческого достоинства наказания, подавляющие в детях благородную свободу духа, уважение к самим себе и растлевающие их сердца подлыми чувствами унижения, страха, скрытности и лукавства. Суровый взгляд, холодно вежливое обращение, косвенный упрек, деликатный намек, и уже много-много, если отказ в прогулке с собою, в участии слушать повесть или сказку, которую будет читать или рассказывать отец или мать, наконец, арест в комнате, – вот наказания, которые, будучи употреблены соразмерно с виною, производят и сознание, и раскаяние, и слезы, и исправление. Нежная душа доступна всякому впечатлению, даже самому легкому: у ней есть тонкий инстинкт, по которому она сама догадывается о неловкости своего положения, если подала к нему повод; душа грубая, привыкшая к сильным наказаниям, ожесточается, черствеет, мозолится, делается бесстыдно-бессовестною, – и ей уж скоро нипочем всякое наказание. Нужно ли говорить, что *такое* воспитание – легко и возможно, но требует всего человека, всего его внимания, всей его любви? Отцы, которых вся жизнь сосредоточена в детях, отдана им без раздела, – редкие явления; но для них-то и говорим мы, к ним и обращаем речь нашу, – и дай бог, чтобы она принята была ими с такою же любовию и искренностью, с какими мы обращаемся к ним!.. Все же *не такие* могут нам не верить и даже смеяться над нами, если им это заблагорассудится... В добрый час!..

Педагогическое наследие : Белинский В. Г., Герцен А. И., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. / сост. А. Ф. Смирнов. – М. : Педагогика, 1988. – 496 с. – (Б-ка учителя).

Памфил Даниилович Юркевич (1827–1874)

П.Д. Юркевич, исследуя среду воспитания ребенка, выделяет семейство, общество, государство, церковь. Анализируя семейство как среду воспитания, педагог отмечает особую роль матери. Важное значение для «хранения дитяти» имеют «светлые нравственные силы, созидрующие семейство»: глубокая особенность нравственных сил мужчины и женщины, что определяет сущность брака и нравственный дух семейства. Именно под влиянием семейного духа и возрождается в жизнь нравственную дитя с момента своего рождения.

Будучи педагогом-философом с богословской ориентацией, особенному устройству и духу семьи, П.Д. Юркевич отводил особую роль в формировании в детях таких качеств сердца и воли, как любовь, послушание, почтение и живая вера в Бога. Именно общий дух семьи уничтожает или ограничивает естественный эгоизм и позволяет ребенку почувствовать себя в обществе, как бы «в малом государстве под властью главы семейства, повелевающего, чему быть следует, и запрещающего то, чему быть не следует».

О важности науки о воспитании

§ 9. Воспитание есть естественное явление в семействе и понятная сама по себе деятельность родителей. Источники правил, руководящих при этой деятельности, заключаются с одной стороны в предании и обычае, с другой – в личной опытности воспитателей. Но правила, происходящие из этих источников, не исключают важности науки о воспитании, которая почерпает свои наставления и требования из источников столь общегодных, как разум и всесторонняя наблюдательность. Предание и обычаи дают нам готовые, одобренные образцы для педагогической деятельности, и разумный воспитатель пользуется этим источником наилучшим образом. Но в каждую минуту нашей личной и общественной жизни предание и обычай находятся в борьбе с новыми началами образования, и каждый воспитатель, как и вообще человек, обыкновенно занимает своею личностью двусмысленную средину между этими борющимися силами нравственного мира. Только строгая и общая наука

о воспитании, возносясь над пристрастиями, которые неизбежно связываются с каждым явлением в жизни, может предохранить воспитателя от уклонения с прямого пути на право, или на лево. Она указывает воспитателю, в каком случае, в какой мере и в каком направлении он должен пользоваться каждою из названных сил для своих целей, что в предании отжило свой век, умерло и потеряло нравственную силу, и с другой стороны, что в новом образовании не получило еще прочности, зрелости и общегодности.

О соответствии воспитания возрастам

§ 13. Так как дети имеют право быть детьми, то воспитание не должно питать детей пищею, которая несродни их возрасту. Дети, склонные подражать взрослым, легко принимают вид, будто они имеют убеждения и будто руководствуются общими, оправданными их разумом началами. Так происходит мнимая, напускная личность, основанная на лицемерии, которое сделалось естественным. Противоположное зло состоит в мнимой наивности и невинности, формы которой принимают на себя взрослые дети из желания соответствовать тем представлениям, какие имеют об них родители, с особенною любовью останавливающиеся на явлениях раннего детства. Дитя не должно казаться ни ниже, ни выше своего возраста и оно будет обнаруживать себя естественно, если только воспитатели не соблазнят его играть роль, которая ему несвойственна. В семействе мать склонна видеть долго в возрастающем человеке малое дитя, отец рано видит в нем взрослого, и равновесие этих взглядов рождает гармоническую истину. <...>

О методах воспитания

§ 31. Напоминание. Всякое правильное действие опирается, с одной стороны, на память прошедших опытов, с другой на память избранных в руководство правил. Дети имеют самую слабую память в этом отношении, потому что их внимание приковывается к событиям настоящего мгновения. Посредством напоминания воспитатель связывает настоящее состояние души воспитанника с его прошедшим и с правилом, и таким образом облегчает узнавать воспитаннику свою собственную волю, знание которой возмущается у него различными страстями и склонностями настоящей минуты. Большая часть детских проступков имеет источник в этом недостатке памяти воли. Говоря строго, дети имеют расположенность относиться безразлично и к соблюдению и к нарушению правил. Когда дитя не приготовило урока, это еще не доказывает, что

оно имеет склонность к лени. Когда оно нарушает порядок, это еще не доказывает, что оно непослушно. То и другое скорее всего могло произойти от того, что требуемые действия вовсе не приходили ему в голову, и от этого оно следовало только своим влечениям. И так напоминание относится к забывчивости, которая зависит не от слабости памяти, но от слабости воли. Слабость воли выражается в этом случае или рассеянностью, или увлечениями. Напоминание имеет в виду или заставить дитя взяться за свое дело, или опомниться. Отсюда видно, что воспитателю приходится делать напоминания часто и неожиданно и что предлагать их кстати гораздо легче, нежели делать наставления. Частыми напоминаниями нельзя наскучить, если только они касаются самого действия, которое совершает воспитанник в данную минуту. Но успех воспитания будет выражаться в том, когда воспитанник все менее и менее будет нуждаться в напоминаниях. <...>

Маленьким детям следует напоминать о мелочах, юношам достаточно напоминать о целом, общем и главном.

§ 33. Увещание.

<...> Посредством увещания воспитатель находит себе помощника в совести воспитанника, но только потому, что своим словом он усиливает эту совесть. Поэтому увещание есть усовещиванье. Но так как совесть действует только относительно тех сторон жизни, касательно которых есть убеждения, то искусство увещевать совпадает с искусством раждать в душе сильные убеждения. Здесь предстоит строгая проба нравственным силам воспитателя. Достигает до глубины души слово, которое исходит из глубины души. В убеждения воспитанника входят мнения, которые действительно составляют убеждения воспитателя. Во всяком случае дети скоро догадываются, когда воспитатель заставляет их считать дорогим то, что сам он считает дешевым.

<...> Лучшее время для увещания есть совершенно-спокойное состояние воспитанника, которое позволяло бы ему всматриваться в самого себя. Увещание, делаемое наедине, благоприятно для особенной сосредоточенности; оно должно быть сопровождаемо глубоким участием к душевной нужде воспитанника и к его благу, и оно может пользоваться всеми средствами, какие усиливают действия совести, следовательно религией и дорогими привязанностями воспитанника.

<...> Увещание, делаемое воспитаннику в присутствии его товарищей, действует на совесть, возбуждает чувство стыда.

<...> Наконец очень часто бывает благотворно увещание, которое делают воспитаннику при случае лица, посторонняя для него. Такого

рода увещание бывает памятно. «Что скажут об этом люди? Что подумали бы обо мне люди, если бы они знали об этом?» – эти вопросы часто поднимаются в нашем сердце, как предостережения против дурных действий, и увещания посторонних лиц отсюда заимствуют свою силу.

Во всех однако же видах увещание должно быть выражаемо единственным тоном любви и участия, и этого тона не должны возмущать ни порицания, ни предостережения, которые обыкновенно соединяются с ним.

§ 39. Похвала и порицание. Собственно человеческая жизнь начинается сознанием противоположности между похвальным и порицаемым. Уже для того, чтобы это сознание образовалось в воспитанниках отчетливо и чтобы они привыкли сообщать ему особенный вес, воспитатель должен выражать похвалу и порицание действиям, которые того заслуживают.

<...> Отсюда видно, что выражение похвалы и порицания есть такая воспитательная мера, которая проходит по всей системе воспитательных действий, как сила неотделимая от них. Что бы ни сделал воспитанник, он должен быть по крайней мере тверд в правильном мнении относительно достоинства своего поступка, потому что таковое мнение есть свет, дающий возможность различать действия хорошие и дурные. Похвала и порицание имеют ближайшую цель в том, чтобы возжигать, или поддерживать этот свет в душе воспитанника.

<...> Частое одобрение уместно только тогда, когда оно есть ободрение. Так при занятии каким-нибудь трудным делом, например, когда ученик еще только учится читать, каждое затруднение, которое одолел он, вызывает в учителе одобрительные слова, которые действуют тем лучше, чем они бывают разнообразнее. Такие одобрительные слова с одной стороны свидетельствуют ученику, что учитель внимателен ко всем подробностям его действий, с другой возбуждают в нем сознание удачи; и то и другое напрягает его силы, первое потому, что не дает ему рассеиваться, последнее потому, что из сознания успеха рождается надежда на успех. Но для ободрения должны быть употребляемы и другие средства, каковы: противодействие преувеличенному мнению воспитанника о затруднении, или в других случаях об опасности действия, также противодействие его мнению о собственной неспособности, представление начатого действия в таком виде, как будто оно уже было, или почти было окончено, указание на удовольствия и разная выгоды, которые последуют за успехом и т. п.

<...> Похвала, употребляемая в смысле награды, должна соединять одобряемое действие с увещанием к новым действиям или с напомина-

нием о задачах, которые предстоит еще решать воспитаннику в будущем. При такой системе, в которой удачно исполненное действие рассматривается как необходимый член в длинном ряду будущих действий, воспитанник хотя выслушивает похвалу с радостью, однако не зазнается и не проникается гордостью от сознания своих успехов и своего превосходства над товарищами; потому что он будет сравнивать свои силы не с силами своих товарищей, но с будущими задачами которые еще во все нерешены. (Отсюда общеупотребительное: «хорошо, старайся; хорошо, трудись» и т. п.)

<...> Но вообще как только похвала не есть ободрение, она должна производить на воспитанника впечатление слабейшее, нежели какое производит на него то дело, которое вызвало похвалу. Соблюдение этого правила предохраняет воспитателя от опасности захвалить воспитанника.

<...> Порицание, как двигатель при занятии, должно иметь самый тесный круг применения, и, может быть, оно уместно здесь только, как противодействие невниманию воспитанника; потому что вообще оно рождает в воспитаннике беспокойство и опасения, которые не позволяют ему предаться делу так, чтобы не заботиться о себе самом. Нужно помнить, что неприятные ощущения действуют на душу сильнее, нежели приятные. Притом когда воспитатель принимается порицать, он сам подвергается опасности быть раздраженным; безуспешность, или другая неисправность воспитанника задает ему самому большее количество работы, нежели какое он решился бы взять на себя добровольно, и от этого порицание нередко сопровождается не только чувством досады, но ненавистью и озлоблением на воспитанника. Что часто с порицанием соединяются ядовитые насмешки, унижительные для воспитанника прозвища и ругательства, способные довести его до ожесточения, что также часто воспитанник, ища исхода из этих нравственных пыток, наконец находит особенное наслаждение в том, когда ему удастся довести воспитателя до крайнего раздражения<...>. Порицание должно держаться, с одной стороны, в пределах строгой справедливости, с другой. оно должно быть проникнуто неподдельным участием к состоянию воспитанника. Как только воспитанник убежден, что порицание несправедливо, т. е. что воспитатель несправедлив к нему, нравственный союз его с воспитателем расторгнется недоверием. В то время как воспитатель осуждает воспитанника, воспитанник осуждает воспитателя. Воспитанник имеет о самом себе мнение, на котором основывается чувство чести. Когда при порицаниях воспитатель не шадит этого чувства, воспитанник может быть доведен до того, что и сам не станет давать этому чувству никакой цены. <...>

Когда порицание основывается на любви, оно принимает форму упрека; когда на авторитете – то форму выговора. С упреком соединяется напоминание и увещание; с выговором наставление и предостережение. Неодобрение, выражаемое в обоих случаях, составляет как бы темную основу, на которой воспитательные требования получают тем большую яркость, чем строже, серьезнее и глубже было выражено это неодобрение.

О роли матери и семьи

§ 57. Между тем семейство владеет и воспитательными средствами в таком количестве, какого не представляет школа. Первое и единственное ясное место во всем мире есть для дитяти лицо матери. В то время, как весь остальной мир еще ужасен для него, потому что он охватывает его, как не проницаемый мрак, и возбуждает в нем страдания своими непомерными впечатлениями, словно злое существо, улыбка матери и светлый взор ее уже понятны ему и вносят в его душу ощущения радости. Природа действует на тело и душу дитяти не так, как она могла бы действовать по свойству своих невосделанных сил, но так, как она должна действовать чрез сердце и любовь матери, которая таким образом является посредником между новым человеком и старым миром, чтобы последний принял первого радушно как дорогого гостя. Мать защищает дитя от вредных влияний яркого и быстро изменяющегося света, оглушительных звуков и резких перемен температуры. Она заботится об его пище, теплоте и чистоте. Она находит доступ в душу дитяти, которая закрыта пока для всего мира, понимает нужды, которых дитя еще не может назвать и понимает детский язык, не имеющий смысла ни для кого другого. Вследствие этих отношений образ матери, напечатлевающийся в детской душе, есть самый могущественный воспитатель, и часто этот образ определяет на всю жизнь сердечные движения, склонности и характер человека.

<...> Далее все семейство своим особенным устройством и своим духом само собою образует в детях дорогая качества сердца и воли, каковы: любовь, послушание, почтение и живая вера в Бога. Естественный эгоизм уничтожается, или ограничивается общим духом семьи которого право выше права духа частного; дитя чувствует себя в обществе, как бы в малом государстве, под властью главы семейства, повелевающего, чему быть следует и запрещающего то, чему быть не следует. Оно приучается владеть собою, обуздывать стремления, противная благу общему и усиливать стремления, благоприятная для

всего семейства. Оно делает многосторонние жизненные опыты, как ему находится в гармонии с целым, учится повиноваться и управлять, действовать и терпеть, исполнять обязанности и пользоваться правами. Вещи, которые любит мать, дитя инстинктивно считает ее собственностью, и наоборот вещи, которые дарит ему мать, оно считает своею собственностью, потому что право на них заключается в любви матери к нему. Коротко: общий дух, общая власть, общее благо и органическое отношение частного к общему – это нравственные силы, которые обнаруживают самое благотворное влияние на облагораживание сердца и образование воли.

Юркевич, П. Д. О воспитании: Золотой фонд педагогики / сост.-редактор А. П. Фурсов. – М. : Школьная пресса, 2004. – 192 с.

Александр Иванович Герцен (1812–1870)

В литературных произведениях, в статьях публицистического характера, в переписке с друзьями и своими детьми нашли отражение взгляды А. И. Герцена на воспитание.

Воспитание, как считал А. И. Герцен, нужно начинать с раннего возраста, своевременно и планомерно развивая у детей врожденные задатки. Родители ответственны перед обществом за воспитание детей.

Цель воспитания – формирование революционного долга, патриотов родины, «воинов народа русского».

А. И. Герцен – сыну

Конец июля 1852 г.

Ну, как ты, друг мой Саша, живешь без меня? Это первый раз, что ты совершенно один. Рано тебе пришлось испытать много несчастий и, наконец, разлуку: это должно тебя сделать сильным. Ты с ранних лет успеешь подготовиться к борьбе, в которую утянет тебя жизнь. Помни, что тебе силы нужны не только для тебя, но для двух сестер...

Учись, друг мой, хорошо...

А. И. Герцен – сыну

7 июня 1860 г.

...Я дал обет – и сдержал его. Для меня остались в мире две задачи: моя русская деятельность и ваше развитие. Одна – удалась вполне, и работа, жертвы – всё вознаградилось успехом. От вашего развития я жду много; но тут я не умел сделать то, что хотел. Из тебя вышел иностранец...

А. И. Герцен – сыну

14 июня 1862 г.

Я твоим письмом, как оно ни грустно, очень доволен. Ты, наконец, дошел до *недовольства собой*. – Это первый шаг для выхода из праздной неопределенности, у тебя начинается страх перед будущим и почти раскаяние в прошедшем. Если ты серьезно вызовешь силу воли, если ты имеешь то, что называется характер – *perseverance*, ты начнешь совершеннолетнюю жизнь. Ученым или артистом, политическим человеком или чем хочешь, но человеком, твердо идущим, на твердых нравственных основах – гласным, а не согласным.

Теперь, только теперь, может быть, ты поймешь, что такое за благо, что ты можешь иметь такого друга по преданию, как Огарев, – вот тебе рядом со мной – маяк. Что его оскорбляет, против чего *он*, гуманнейший человек, восстает, того бойся <...>

А. И. Герцен – сыну

12 июня 1851 г.

Любезный Саша, в ожидании твоего рапорта о твоих занятиях за прошлую неделю я хочу написать тебе несколько слов.

Тыходишь теперь в тот возраст, когда дети бедных людей начинают уже работать и серьезно заниматься, а потому я тебе расскажу не о Цюрихе, не о ипподроме, а о том, что здесь было в суде.

Ты слышал о знаменитом французском мыслителе Викторе Гюго; вчера судили его сына за то, что он написал в журнале статью, в которой говорил, что казнить людей отвратительно.

Отец его сам стал защищать сына, и, предвидя, что его сына все же обвинят и посадят в тюрьму, вот чем он кончил свою речь:

«Сын мой, тебе делают сегодня великую честь: тебя считают достойным страдать за правду. С сегодняшнего дня ты вступаешь в действительную жизнь. Ты можешь гордиться, что в твоих летах ты уже на той скамье, на которой сидели Беранже и Шатобриан, – будь тверд и незыблем в твоих убеждениях, ты их принес в крови, ты им научился у твоего отца».

Сына Гюго осудили на шесть месяцев. Когда они с отцом вышли из суда, народ, ожидавший их, окружил карету и кричал: «Да здравствует Гюго!» Гюго отвечал: «Да здравствует республика!»

Ты видишь, дружок Саша, что как ни больно отцу, что он должен сына отдать в тюрьму, но что для него этот день останется как один из лучших в жизни. Вспомни маленького Грибуля: и он пострадал за правду и за желание, чтобы всем было хорошо. Те, которые гонят, осуждают за это, те хотят, чтоб только им было хорошо.

Надобно быть или Грибулем, или Бурбоном: надобно бороться, собою жертвовать или приносить себя на жертву друзей и врагов. Но быть Грибулем не только выше, но и веселее. Помнишь, как он в тюрьме приручил мышей, лягушек и пел песни? На совести у него ничего не было, он сделал свое дело, а какой-нибудь Бурбон, отравивши жизнь другим, мучится, завидует, боится, стыдится.

Так-то и я хочу со временем видеть тебя, идущего по дороге, по которой я шел 25 лет. Не думай, чтоб нужно было наткнуться самому на беды, – нет, надобно быть готовому на всякую борьбу. Не придет она – можно другое делать. Но если придет, – что бы ни было, стой за свою истину, за то, что ты любишь, а там, что бы ни вышло.

Целую тебя крепко.

...Занимайся как можно больше русским языком. Ты никогда не забывай, что ты должен быть русским. <...>

А. И. Герцен – сыну

29 сентября 1858 г.

...Пора узнать твою будущую и подробную программу занятий. Помни, что тебе в особенности недостает *классического* образования, т. е. того общего очеловечивания, которое именно и называется «*humaniora*». При специальных занятиях естественными науками тебе будет мудрено сделать многое, но, несколько образовав себя чтением и посещением какого-нибудь курса философского, можешь воспитать себя сколько-нибудь и в эту сторону. Без нее страшно то, что легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела.

<...> Далее, не забывай, что самое колоссальное орудие многостороннего образования – чтение. Так как ты до сих пор не был большим начетчиком, то ты можешь ограничиться теми книгами, о которых записку мы раз составляли.

Не мешает ознакомиться и с древностью – не только по школьным книгам. Возьми Фоссов перевод Гомера, Софокл также хорошо переведен.

Исторические сочинения постоянно надобно читать. Шлецера «История XVIII столетия» очень полезна...

А. И. Герцен – сыну

10 марта 1860 г.

Любезный Саша, и новое письмо твое меня сильно огорчило. Ты не понимаешь ни меня, ни жизни... идешь увлечениями и дошел до безумия – жениться в 20 лет.

Изведаль ли ты свое чувство, был ли у тебя искус, выработал ли ты годами, искушениями закал твоему чувству? Ничего подобного, *второгодник* студент женатый – *b penelant* к твоему товарищу из милиции. Жизнь, начинающаяся с конца, – жизнь без борьбы... Семейная жизнь – гавань, а тебе надобно плыть.

Да тут замешан и не ты один: ты влечешь в нелепый (по летам) брак девушку. Ну, а если ты через два года ее разлюбишь? Где доказательства твоего твердого постоянства? И что мы за немцы – зачем все Фогты знают это? Сильное чувство сильно скромно и не высказывается... Я тут вижу ряд несчастий для тебя и для себя, а потому, как друг и отец, я тебе скажу со всею откровенностью мое мнение. Я считаю безумием и патентом на пошлую или несчастную жизнь – жениться студентом 20 лет.

Если ты в самом деле имеешь истинное чувство, то оно проживет и до 25. Раньше 25, что касается до меня, *не дам моего согласия*, и это потому, что моя совесть, мой опыт и мой разум согласны. Нетерпеливые чувства подозрительны. Для того чтоб испытать себя, сделай усилие над собою и жертву – жертву не одной любви ко мне, но доверия, – так как мною не руководит в моем мнении об этом никакая мысль, кроме твоего счастья (которое ты должен взять в свои руки, но по крайней мере не ранее, как сойдя с ученической лавки и взглянувши на свет), то ты и прими это за последний совет – и за совет неизменяемый...

О детских книгах

<...> Писать детские книги действительно задача колоссальная, оттого-то и их нет. Есть книги *отроческие*, современная английская литература ими очень богата, но детских нет.

Дети любят сказки. Но сказки бывают или бессмысленны, или скучны. В первых все пожертвовано фантастическому, во вторых все убито натянутой, пошлой и не вовсе нравственной моралью.

Одна книга делает исключение – «Робинзон»; да как же его зато и читают дети!

Ж. Санд, удовлетворяя совершенно художественной потребности детского воображения, создала рассказ высоконравственный и который поэтому не имеет ничего общего с нравоучительными повестями, особенно с французскими.

Мораль их состоит в развитии эгоистической, своекорыстной любви к добру, внешних наградах за исполнение долга, так что человек, поступающий нравственно, ничем не отличается от ростовщика, лишаящего себя на время денег для того, чтобы получить их назад с огромной лихвой. Вот почему детские повести и рассказы, драмы и поэмы у французов сбиваются на полицейское следствие и психический разбор их очень близок к разбору в управе благочиния. Им надобно открыть виновных и достойных, виновных наказать, достойных наградить.

Вовсе не так поняла и создала Ж. Санд своего «Грибуля». С первого появления его от него веет какой-то свежестью и чистотой; это натура наивная, бескорыстная, преданная, любящая и оттого постоянно гонимая. Родители его считают дураком, потому что он не плут и не вор. Они его бьют за то, что не хотел из любви к ним покинуть родительского дома. Этот характер она выдержала до конца.

Когда Грибуль сам зажег свой костер и царица хотела отступить, чтобы его спасти, мы так и ждали, что Шмель, тронутый героизмом Грибуля, бросится к костру спасать его, отдаст Грибуля царице, а царица отдаст себя Шмелю и сделает маршалом или констаблем. Но Грибуль *сгорел*, «от него осталась гряда пепла, на верхушке которой вырос и распустился маленький голубой цветочек». Награда за подвиги Грибуля *была не ему*.

Здоровее нравственности нельзя проповедовать детям. Ж. Санд облекла ее во всю прелесть детской поэзии, — без этого дети все бы не стали ее читать. Художественная потребность идет у детей вперед, они в книге ищут наслаждения, а не пользы. Оттого они очень рано различают два рода книг: один, который *они читают*, и другой, который им *велят читать*.

С первой страницы дети увлекаются Грибулем, любят маленького чудака, который «бросился в воду, чтобы скрыться от дождя», и следят за ним с страстным участием. Дочитавши, они снова принимаются за книгу. Это я видел на опыте и знаю по количеству экземпляров, *потребленных* детьми. Они изнашивают «Грибуля», — это верх успеха для детской книги.

Преступные мальчишки в Твери

В тверской гимназии был 16 февраля спектакль и танцевальный вечер. Между танцующими была жена капельмейстера, который ди-

рижировал оркестром. Жены подьячих и разночинцев, помещицы и офицерши нашли несовместным с их высоким общественным положением участие в бале жены капельмейстера. Мерзавцы, школьники благородного шляхетского происхождения, подошли к даме и требовали, чтобы она вышла вон. Бедная женщина, униженная и испуганная ими, со слезами на глазах поспешила показать им билет в свое оправдание и, конечно, мало помогла делу: ее грозили вывести, если она не выйдет добровольно. Скандал обратил на себя общее внимание, и в то время, когда дама с своей сестрой выходила из зала, пансионеры закричали: «Браво!..»

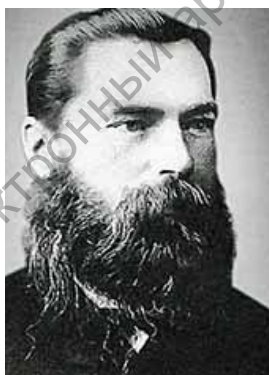
Этот отвратительный факт, сделанный именно в теперешнюю эпоху, не должен пройти, не оставив позорного клейма на мерзких мальчишках и на еще больше мерзких воспитателях их.

Кто были эти *будущие* воры-чиновники, крепостники-помещики, которые подошли к даме с наглой речью? Кто кричал «браво» слезам обиженной женщины? Несовершеннолетие нисколько не покрывает их, они поступили очень сознательно. Пусть же их, как ядро каторжника, провожает укор и порицание. Это облегчит одним из них очиститься искусом и покаянием, другим скорее попасть в чиновники III Отделения, сделаться тиранами-помещиками или варварами-офицерами.

Мы просим список негодяев.

Герцен, А. И. О воспитании и образовании / А. И. Герцен, Н. П. Огарев ; сост. В. И. Ширяев. – М. : Педагогика, 1990. – 368 с. – (Пед. б-ка).

Константин Васильевич Ельницкий (1846–1917)

Российский педагог, краевед, исходным положением педагогической системы которого стала идея признания приоритета и реализации в воспитании таких общечеловеческих ценностей, как истина, добро, духовность. Он требовал уважения к личности ребёнка, его достоинству, выступал в защиту права на свободу и развитие детей.

Ельницкий К.В. подчёркивал, что результаты воспитания достигаются лишь тогда, когда педагогическое воздействие строится на фун-

даменте знания педагогом физической и духовной природы ребенка, закономерностей его развития, учёта стремления к деятельности и самосовершенствованию, когда это воздействие не противоречит природе воспитанника, его истинно человеческим потребностям, осуществляется с помощью гуманных средств и методов и направлено на оказание помощи в самообразовании и самовоспитании, саморазвитии личности.

О роли матери в воспитании ребенка

Женщине выпала высокая роль воспитательницы детей, будущих граждан. Воспитательная деятельность ее проявляется в семье, в общественных воспитательных заведениях и в начальных школах. <...>

Детский возраст имеет огромное значение в развитии каждой личности, а этот возраст проходит под ближайшим воспитательным влиянием матери. Природа вложила в сердце матери неисчерпаемый источник любви к своему ребенку. Любовь эта и побуждает ее заботиться о благополучии его и воспитывать его по идеалу, признаваемому ею лучшим. К этому побуждает ее также и сознание зависимости собственного ее благополучия в годы старости от того, каким гражданином выйдет ее ребенок – добрым или злым, полезным или бесполезным.

Мать питает своего ребенка, устраняет все причины, могущие вредно отразиться на его здоровье, и вообще заботится об укреплении его организма. При этом она руководствуется как знанием потребностей организма ребенка, так и непосредственным чувством, которое весьма часто безошибочно указывает ей, что нужно ее ребенку.

Под руководством матери начинает раскрываться и умственная деятельность ребенка. Она способствует этой деятельности, ставя его в такие условия, при которых он составляет более ясные представления о предметах. Из родившихся представлений составляют в нем понятия, комбинация которых дает различного рода суждения. Она же предупреждает образование в ребенке предрассудков и ложных суждений, вредно влияющих на умственную его деятельность и душевное его развитие.

Речь ребенка развивается под ближайшим влиянием матери. Ребенок перенимает ту речь, которую он часто слышит, а чаще всего ему приходится слышать речь матери. Случается, что не только запас слов, но также и особенности говора и *тон* речи ребенок перенимает от матери.

Наибольшее влияние мать оказывает на развитие **нравственных и религиозных чувств** ребенка. Любовь матери к ребенку и забота ее о нем вызывают в нем чувство любви и признательности, а эти чувства

важны для нравственной жизни человека. Далее, отношение матери к окружающим лицам и предметам невольно передается и ребенку. Он начинает бояться того, чего боится она, и любит, к чему сочувственно относится она. Если мать относится к какому-нибудь действию с укоризной, осуждением, то и ребенок начинает считать это действие непохвальным, нехорошим, и, наоборот, если она признает его хорошим, похвальным, то и он считает его таковым же. Таким образом, ребенок мало-помалу проникается тем нравственным мирозерцанием, которым проникнута его мать. <...>

Нет сомнения, что на ребенка влияют, кроме матери, и другие члены семейства, и вообще весь строй семейной жизни. Но создать и поддерживать такой строй семейной жизни, который благотворно влиял бы на детей, в значительной мере *зависит от благоразумия, такта и искреннего желания* матери – хозяйки дома.

О воспитании

Многие думают, что ребенок долго ничего не смыслит; но это предположение совершенно несправедливо, в чем нетрудно убедиться. Дитя поднимает голову, пользуется своими руками, начинает узнавать окружающих, чувствует сердечное влечение к некоторым из них; все сильнее чувствует потребность к деятельности, а это уже факт самосознания. <...>

Чем даровитее ребенок, тем серьезнее нужно относиться к его воспитанию. В сознательном воспитании должно обращать большое внимание на игры детей и выбирать из них только такие, которые могут нравственно повлиять на ребенка. Большое значение во всестороннем развитии детей играет обстановка, их окружающая. Напрасно думают взрослые, что ребенок ничего не замечает; напротив, каждое, по видимому, самое незначительное обстоятельство производит на него впечатление и, так или иначе, влияет на его умственную и нравственную жизнь.

О методах воспитания

Наказания и выговоры должны совершаться хладнокровно и в такое время, когда человек не лишается самообладания; наказание же, совершенное в припадке гнева, вместо того, чтобы пробудить в воспитаннике стыд и сознание своей вины, только ожесточит его.

Ельницкий, К. В. О воспитании: золотой фонд педагогики / сост.-редактор А. П. Фурсов. – М. : Школьная пресса, 2004. – 192 с.

Петр Федорович Каптерев (1849–1922)

Тема семейного воспитания одна из ключевых в творчестве П.Ф. Каптерева. В 1875 г. он писал, что воспитание детей в семье должно начинаться с момента их рождения. В первые три-четыре года жизни ребёнка закладываются основы всего дальнейшего его развития, «вырисовывается вся природа, всё существо человека». Родители должны знать, что первые годы ребенка «составляют самое важное время всего воспитательного процесса».

Не случайно П. Ф. Каптерев одним из первых в отечественной педагогике указал на необходимость нравственной подготовки учащейся молодежи к созданию семьи и семейно-брачным отношениям. Такую подготовку он рассматривал в качестве составной задачи формирования нравственно развитой личности как девочек, так и мальчиков.

Об эстетическом развитии и воспитании

<...> Во всяком случае эстетические удовольствия суть своеобразные удовольствия отличные от обыкновенных чувственных удовольствий. Различия заключаются в следующем: 1) эстетические удовольствия сложны, а обыкновенные чувственные удовольствия просты. Для получения эстетического впечатления нужно взять сложный материал – звуки, краски, движения, формы, слова – и этот сложный материал привести в определенное сочетание по законам, свойственным каждому виду таких сочетаний, по законам отдельных искусств. Если мы возьмем один звук, одну краску, одну форму, то можем испытать чувственное удовольствие, но не эстетическое наслаждение; если мы возьмем много материала, но не приведем его к единству в каком-либо порядке, если оставим его в хаотическом состоянии, то эстетического впечатления также не получится; 2) эстетические удовольствия не связаны с самосохранением организма, без них организм может жить и развиваться. Главными посредниками эстетических впечатлений служат зрение и слух, органы, наиболее служащие к приобретению знаний об окружающем мире и наименее – к непосредственному сохранению организма; из впечатлений других органов для эстетических по-

строений наиболее пригодны такие, которые наименее тесно связаны с сохранением целости и здоровья организма. Поэтому эстетические предметы в состоянии доставлять наслаждение одновременно многим; для того чтобы испытать удовольствие от прекрасных предметов, нет необходимости человеку так же потреблять их, как хлеб, питье, или так же овладевать ими, как жилищем или помещением. Эстетические удовольствия могут сближать людей, устанавливая между ними некоторую общность и единство, содействовать развитию общности. Но это возможно лишь в том случае, когда человек в своих мыслях и чувствах возвышается над кругом своих органических потребностей, когда при виде эстетических предметов он не проникается личными интересами, эгоистическими возбуждениями, но воспаряет в мир общечеловеческих идей и чувств. Если при великолепном закате солнца человек только и может думать о том, что предвещает назавтра этот закат: дождь или ведро, на следующий день его сено вымочит или высушит; если при виде прекрасной статуи женщины или картины, изображающей обнаженное человеческое тело, у человека только и в голове, что желание чувственной любви, то для него нет закатывающегося солнца как эстетического предмета, а есть солнце лишь как предмет хозяйственных соображений; нет статуи или картины как произведений искусства, а есть лишь предметы, пробуждающие его половые инстинкты.

Наконец, есть еще одна характерная черта эстетических впечатлений, именно некоторое внутреннее содержание, придающее им единство и цельность. В произведениях искусства эта черта особенно ясна: в постройке, в музыкальной пьесе, в картине всегда есть нечто идейное. Оно может увеличиваться и уменьшаться, проникать произведение больше или меньше, но оно не может отсутствовать, так как художник не так творит, как поет птица, он творит, неизбежно вкладывая что-либо в свое произведение из своей души. Без этого внутреннего содержания произведение искусства было бы бессмыслицей. В природе нет внутреннего содержания, прекрасная сторона природы прекрасна просто сочетаниями и формой. Но зато в природу мы сами вкладываем душу, свои мысли и чувства и потом обратно как бы вычитываем и воспринимаем их в себя из природы. Чем сильнее природа волнует наше сердце или заставляет нас задумываться, тем прекраснее и величественнее она нам кажется. Вид природы, ничего в нас не пробуждающий, не считается нами прекрасным, мы проходим мимо него с полнейшим равнодушием, как будто его и нет.

Указанные существенные черты эстетических волнений свидетельствуют, что эстетичность не может быть ранним достоянием дитяти, так как для возникновения ее требуется наличность многих условий. Прежде всего необходимо, чтобы различающая деятельность органов внешних чувств достигла значительной степени развития. Проводниками эстетических впечатлений служат органы внешних чувств; красоты внечувственной, не воспринимаемой никаким органом, в опыте не встречается. Поэтому для того, чтобы испытывать эстетические впечатления, необходимо иметь глаз, хорошо различающий цвета, формы, движения; ухо, отчетливо воспринимающее различные звуки, тоны, шумы; осязание, способное схватывать различные степени гладкости, шероховатости, твердости, мягкости, всякие направления линий; обоняние и вкус, не притупленные, развитые достаточной практикой в получении соответствующих возбуждений. Как скоро более или менее значительно страдает один из главных внешних органов, восприятие эстетических впечатлений затрудняется, а вместе замедляется и задерживается развитие эстетического чувства.

Дитя не родится с органами внешних чувств, сразу способными к обнаружению свойственной им деятельности; оно, напротив, учится смотреть, слышать, осязать, обонять, вкушать точно так же, как оно учится ходить. Одна из главнейших, существеннейших сторон первоначального развития дитяти заключается именно в развитии органов внешних чувств. Тщательный уход за органами или небрежное отношение к ним, окружающая среда, дающая каждому органу достаточное количество соответственных возбуждений или скудное, примеры взрослых – все это будет содействовать или препятствовать правильному развитию органов внешних чувств, а вместе с тем обуславливать более раннее или позднее, сильное или слабое развитие эстетических волнений. Развитие органов внешних чувств идет довольно медленно, в связи с общим ходом душевной и телесной деятельности дитяти, со множеством внешних условий, и заканчивается не скоро. Едва ли можно утверждать, чтобы ранее пяти-шести лет органы внешних чувств достигали такой ступени развития, на которой с их стороны не встречалось бы препятствий к возникновению эстетических впечатлений.

Когда говорится о развитии органов внешних чувств как посредников эстетических впечатлений, тогда имеется в виду не простое только развитие этих органов со стороны силы и остроты, но более сложное еще – со стороны способности воспринимать гармонию впечатлений. Можно быть очень дальноруким, хорошо различать самые мелкие

предметы и в то же время совсем не замечать дисгармонии в сочетании цветов и форм; можно очень хорошо различать отдельные тоны и звуки, их изменения, высоту и в то же время весьма слабо понимать гармонию тонов, допускать такие сочетания звуков, которые не могут быть признаны благозвучными. То же самое следует сказать и о всех других органах. Поэтому при развитии органов внешних чувств нужно постоянно вносить в их упражнения гармонию и порядок, чтобы материал, подлежащий их усвоению, являлся в определенной правильной форме, а не как пришлось, в хаотическом беспорядке. Правильность, порядок, законосообразность – душа искусства, без стройности и гармонии сфера прекрасного существовать не может, а потому и органы, воспринимающие прекрасное, должны быть подготовляемы и практикуемы в этом же направлении. Иначе человек будет иметь глаза и ничего прекрасного не видеть, будет иметь уши и ничего гармоничного не слышать.

Дальнейшее условие для возникновения эстетических впечатлений есть способность отрешаться от эгоистических чувствований и соображений. Если при виде произведений искусства и прекрасных картин природы дитя будет волноваться только личными потребностями, себялюбивыми чувствованиями, то прекрасное будет исчезать из его глаз. Один пятилетний мальчик, приведенный матерью на одну из передвижных выставок в С.-Петербурге, делал такие замечания о картинах: при виде какого-то дачного пейзажа, с летней природой, с обществом дачников, со столом, на котором стоял чайный прибор, мальчик заметил, что он хотел бы попить чаю; при виде сцены проводов на вокзале он сказал, что тоже хотел бы ехать, и т. п. Личные потребности, личные удовольствия, желания, разные эгоистические волнения и поползновения – вот что чувствует и переживает дитя при виде прекрасного в природе и искусстве. Оно так глубоко погружено в личную жизнь, его мирок настолько тесен, мал, что оно всюду видит себя, свои потребности и удовольствия и, кроме своей личной сферы, еще ничем не интересуется. Сфера общего и прекрасного ему еще не по плечу, оно до них не доросло, оно чуждо их. Чтобы выйти из замкнутой, узенькой сферы личных интересов, дитяти нужно умственно развиваться, постигать общество и мир внешний, признавать их самостоятельность и свою зависимость от них. Без помощи ума и знаний эстетическое наслаждение невозможно. Пока дитя остается при своем детском мировоззрении, в основе которого лежит детская личность с ее маленькими потребностями, пока первоначальный детский эгоизм в нем еще силен, оно не может наслаждаться эстетическими впечатлениями в собственном смысле этого слова, же-

лания захвата, приобретения, удовлетворения ближайших потребностей будут брать верх над всеми другими чувствованиями. <...>

Было бы ошибкой стремиться поставить воспитание эстетического чувства обособленно от других сторон развития человека, ввести занятия каким-либо искусством или двумя и затем думать, что для воспитания эстетического чувства сделано все. Эстетическое чувство может правильно развиваться только в связи с общим ходом душевной жизни, именно с органами внешних чувств, нравственным и умственным образованием.

Самое первое и весьма важное дело в воспитании эстетического чувства есть развитие органов внешних чувств. Эта забота преимущественно должна падать на первые годы жизни человека. Если в данном отношении был допущен пробел родителями, если они не приложили никаких забот к надлежащему развитию органов внешних чувств дитяти, то позднее будет довольно трудно восполнять пропущенное, недостаточная практика зрения, слуха, осязания будет сказываться на каждом шагу и значительно затруднять развитие эстетического чувства. Достаточно развитые соответственными упражнениями органы внешних чувств составляют необходимую почву для настоящего эстетического образования. <...>

Таким образом, эстетическое чувство содействует развитию общечеловечности, возбуждению физических и умственных сил, зарождая влечение к эстетическому творчеству различных видов, но не касается прямо нравственности, будучи по своей природе лишь источником совместного наслаждения. Развитию нравственного чувства оно может содействовать лишь косвенно, помогая укреплению общечеловечности.

Конечно, эстетическое чувство может войти в прямую связь с нравственным, если предметом произведения искусства послужит какая-либо нравственная идея, нравственный сюжет. Тогда театральная сцена делается местом нравственного возвышения и облагораживания зрителей, картины будут внедрять в посетителей выставок нравственные правила и т. д. Но такая связь эстетического чувства с нравственным будет случайной, не будет зависеть от самого существа чувствований, потому что сюжетами произведений искусства равно могут быть как нравственные мотивы, так и безнравственные и безразличные в нравственном отношении. <...>

Нравственное чувство обуздывает человека, берет его в руки, укрощает в нем зверя. Оно воюет против безусловного эгоизма человека делая обязательными доброжелательные отношения к другим. Нравственное чувство требует расширения кругозора человека, требует, чтобы че-

человек думал не только о своем «я», но и о других, не возвышал бы своих интересов над интересами других. Человек нравственного настроения, конечно, объективнее, бесстрастнее эгоиста, его взгляд шире. А потому и художественным произведением и прекрасным видом природы, требующими душевного спокойствия, умиротворенности, нравственный человек может наслаждаться гораздо глубже, цельнее и интенсивнее, чем эгоист, так что мы можем прямо утверждать, что разумное нравственное развитие содействует чистоте и цельности эстетического наслаждения.

О тесной связи между эстетическим и умственным развитием едва ли нужно много распространяться, оно понятно. Душу красоты и искусства составляют гармония, стройность, расчет в сочетании частей в органическое, живое целое. Кому эта сторона мало дается в явлениях вообще, для того искусство и красота будут темны, тот будет проходить мимо красоты, не подозревая ее существования. Очень часто красивое явление не поражает размерами, массивностью, оно с виду скромно и как будто незаметно, но для понимающего полно неизъяснимой прелести, оно в соответственно настроенной душе возбуждает эстетический восторг. <...>

Эстетическое чувство очень сложно, оно имеет множество различных элементов. Прежде всего материал эстетических впечатлений крайне разнообразен, может доставляться всеми органами внешних чувств, преимущественно же он состоит из зрительных и слуховых представлений и ощущений. Сочетания материала бывают также весьма разнообразны, так что существует целый ряд самостоятельных и обширных искусств. Наконец, психическое содержание произведений искусства может быть большим и меньшим и сообразно с этим требовать различной подготовки для усвоения. Отсюда понятно, что эстетическое чувство в своем развитии имеет очень многие степени, у одного человека оно едва-едва начинается и выражается в крайне элементарных формах, у другого же оно достигает значительной высоты развития. <...>

Итак, сложность эстетического чувства вызывает два следствия: эстетическое чувство не может возникнуть ни у отдельного человека, ни у целого человечества на самых первых порах их жизни, оно предполагает некоторую подготовку, некоторую благоприятную почву, на которой только и может произрастать. Эстетическое чувство имеет много степеней и в своем развитии проходит длинную лестницу. Начинаясь грубыми и несовершенными формами, оно постепенно достигает высших и сложных форм. Теперь мы обратимся к специальному исследованию развития эстетического чувства у детей.

Развитие эстетического чувства у детей

Одно из первых волнений, в котором можно видеть некоторые начатки эстетического чувства у детей, есть любовь к украшениям, к новым платьям, обуви, шляпам и т. п. Дети очень рано обнаруживают удовольствие при новом платье, новых башмаках, с радостью смотрят на них, показывают другим. Цветная новая шапка, цветной бант, гость или гостя в каком-либо новом, особенном костюме возбуждают в детях живой интерес. Многие дети очень рано приобретают знания относительно платьев, башмаков, вообще костюма и начинают делать расценку людей по костюму, отказываясь играть с дурно одетыми товарищами. <...>

Если судить строго, то в удовольствии, испытываемом дитятей от новых платьев и обуви, едва ли можно видеть начала эстетического чувства. Испытываемое удовольствие – сложного характера и прежде всего обуславливается чувством новизны. На дитя надевают такое платье, в котором оно раньше не ходило, которого даже не видало, и оно радуется прежде всего новинке, не подвергая последнюю строгой критике ни с эстетической, ни с какой-либо другой точки зрения. Если новые башмаки при ходьбе стучат да имеют определенный резкий цвет, то они и прекрасны. Всякое новое платье, не возбуждающее в ребенке отвращения своим цветом, наверно, также будет прекрасным.

Кроме чувства новизны, в удовольствии детей от нового костюма видный элемент составляет чувство органического самодовольства. Дети долгое время платье считают чем-то безраздельным со своею личностью. Их «я» есть почти исключительно физическое «я», соединение зрительных, слуховых и осязательных признаков, полученных от наблюдений своей физической личности. Все, что часто и более или менее долго приходит в соприкосновение с их телом, входит в состав «я». <...>

Кроме указанных двух элементов в удовольствии детей от новых платьев есть и другие, более сложного порядка. Так, сюда скоро замешиваются тщеславие, хвастовство, удовольствие быть хвалимым, вообще обращать на себя внимание. Дело в том, что как ни глупо хвалить дитя за то, что мать красиво его одела, тем не менее дитя хвалят за это, говорят ему в глаза, как оно в новом платье мило, красиво, как новое платье идет к нему, повертывают дитя в разные стороны, тщательно рассматривают платье, показывают гостям и т. д. Мало-помалу таким путем и вливается в детскую душу яд глупого хвастовства платьем, желания показываться, быть на выставке, и скоро все эти волнения осложняют первоначальное простое удовольствие от нового платья.

Собственно же эстетический элемент в удовольствии детей от нового платья почти совсем отсутствует, потому что и самый предмет особенной эстетичностью обыкновенно не отличается, да и органы внешних чувств детей в первые годы жизни еще не способны к надлежащему отчетливому восприятию впечатлений и особенно их гармонических и дисгармонических сочетаний. <...>

Вообще чувство новизны есть один из главнейших мотивов первоначальных детских восторгов и удовольствия; собственно же эстетическое чувство задерживается в своем возникновении и развитии недостаточной способностью различения органами внешних чувств. Когда же этот недостаток минует, тогда являются новые препятствия для чисто эстетического наслаждения: личные аналогии, эгоистические чувства и малое умственное развитие; дитя все рассматривает с точки зрения личной пользы, при виде самых прекрасных предметов припоминает целую массу пережитых пустых обстоятельств, делает сопоставления с известными ему вещами домашнего обихода, сопоставления, лишённые всякого эстетического значения. <...>

Таким образом, самое главное в деле эстетического развития детей – не ставить эстетическое образование обособленно от других сторон развития человека, но вести дело совместно, постоянно опирая эстетическое развитие на развитие органов внешних чувств, умственное и нравственное, а с другой стороны, в эстетическом образовании находя помощь для развития других сторон человеческого духа. Далее, нельзя от детей требовать сразу значительного эстетического совершенства и тонкости в восприятии впечатлений, как нельзя от них требовать сразу нравственного совершенства и умственной зрелости. Подобно последним, эстетическая впечатлительность достигается мало-помалу и эстетическое развитие начинается крайне несовершенными формами. Так, нельзя не отметить, что одно из первоначальных эстетических впечатлений есть впечатление большого, грандиозного. <...>

В развитии эстетической впечатлительности следует иметь в виду постепенность, которая возникает от преобладания в эстетическом чувстве различных элементов. Прежде всего эстетическое чувство связано с деятельностью органов внешних чувств и находится в зависимости от них. Поэтому первоначальные волнения прекрасного имеют преимущественно чувственный характер и заключаются в чувствительности к большому, грандиозному или же к непосредственно приятному в несложном сочетании цвета с формой, например в цветах, цветов друг с другом, форм, звуков и т. п. На первых порах этими эстетическими впе-

чатлениями детей и нужно ограничиваться, не огорчаясь их неспособностью к восприятию более сложных и тонких возбуждений.

Дальнейшая ступень развития эстетического чувства будет заключаться в расширении эстетического кругозора влиянием умственного развития, в понимании более сложных и тонких прекрасных предметов, в их сравнении и оценке. Умственное развитие особенно нужно для усвоения красот природы. Для человека теоретически совсем неразвитого природа бездушна и мертва, она – громадная мастерская для производства разных полезных продуктов, совершенно лишенных эстетического характера. Красоту природы видит ум, а не глаза.

Высшей ступени эстетического развития человек достигает только лишь при помощи нравственного развития, когда его личное «я» не примешивается постоянно к прекрасным предметам, когда оно не стремится упрямо к господству и подчинению себе всего, когда ум и сердце человека очистятся от наплыва себялюбивых мыслей и вожделений. Тогда человек будет способен к вполне объективному созерцанию прекрасного и тогда доброе, понимаемое в широком смысле слова, а не в виде условной и прописной морали, сольется в один источник с прекрасным. <...>

Из условий развития эстетического чувства у детей следует обратить внимание еще на одно: на возбуждение в детях любви и симпатии к природе. Прекрасное в искусстве, конечно, весьма ценно, но оно не всегда под рукой и обыкновенно приобретение предметов искусства требует значительных материальных средств. Притом прекрасное в искусстве имеет своим источником прекрасное в природе и есть подражание ему и идеализация. Прекрасное в природе первоначальнее прекрасного в искусстве. Поэтому чрезвычайно важно пробудить в детях эстетическую впечатлительность по отношению к природе, способность наслаждаться, по-видимому, самыми простыми и незатейливыми предметами. Если внимательно присматриваться к природе, то можно заметить красоту, рассеянную повсюду. И развитая эстетическая впечатлительность по отношению к природе создаст источник непрерывного и высокого наслаждения.

Возбуждение и развитие симпатии к природе должно идти двумя путями: практическим и теоретическим. Чрезвычайно важно поставить детей лицом к лицу с природой. Жизнь в городе крайне не благоприятствует непосредственному отношению к природе, в городе большинство детей видит лишь камни – каменные дома, стены, каменную мостовую. Крайне несовершенное еще развитие культуры оставляет большинство

городских детей без садов, без площадок, без прогулок за город, на темных и вонючих задних дворах и пыльных мостовых. Лучшее место для развития детей как в эстетическом, так в физическом и других отношениях есть деревня, где дитя имеет полную возможность приглядеться к природе, проникнуться ее веяниями, впитать в себя любовь и интерес к естественным явлениям. Затем для всех детей, как деревенских, так и городских чрезвычайно важен непосредственный уход за растениями и животными. Заботясь о животных и растениях, дитя невольно втягивается в жизнь природы, наблюдает и понимает ее, у него зарождаются желания, интересы, склонности, объектом которых служит внешний мир. Пример взрослых, ухаживающих за растениями и животными, весьма важен. Длинные прогулки, маленькие путешествия, соединенные с толковым ознакомлением с представителями растительного и животного мира, очень много содействуют укреплению любви к природе.

Из теоретических средств на первом месте нужно поставить сказки с героями из животного мира. Нечего распространяться о том, как дети любят такие сказки, какое сильное впечатление они производят на подвижный детский ум, как прекрасно они вводят детей в понимание жизни животных, их нравов и обычаев. За сказками нужно поставить всякого рода рассказы, которых дети так настойчиво просят почти во всякое время. Предметом этих сочиняемых каждой матерью рассказов в высшей степени желательно или брать прямо явления природы, или же во всяком случае вводить ее в виде обстановки, места действия рассказа и других сопутствующих обстоятельств. Наконец, следует отметить более или менее систематическое теоретическое ознакомление с разнообразными явлениями природы и их объяснение, конечно постоянно сопровождаемое соответственными демонстрациями.

Об общественно-нравственном развитии и воспитании

Родители! Если вы желаете воспитать из вашего дитяти борца, то прежде всего воспитайте его физически сильным, ловким и мужественным. Что будет за борец слабый, хилый, неуклюжий ребенок, боящийся лошадей, коров, воды, простуды, скачков, лазанья и пр., вечно опасющийся за повреждение своего драгоценного здоровья, а потому избегающий всяких физических упражнений. Для достижения физической ловкости и мужества необходимо в известных пределах пользоваться системой закаливания <...>. Сущность ее, собственно, очень проста: не изнеживайте дитя, но, конечно, и не лишайте его необходимых условий и удобств хорошего физического развития. Побольше прогулок на све-

жем воздухе, почаще купание в свежей, но не холодной воде; чистое, но простое, не слишком теплое платье, такая же постель, достаточное, но умеренное питание. Побольше оживления, побольше игр. Не гонитесь за каждой царапиной, ушибом, уколом, не принимайте против них тысячу предосторожностей, все это пустяки, которые пройдут сами собой. Давайте возможную по возрасту ребенка свободу в ползании, беганье, прыганье, лазанье и пр., не бойтесь при этом простуды и других заболеваний: деятельно живущий организм, свободный, не стесняемый искусственными путями, – лучший врач самого себя.

Вообще не следует стремиться поставить воспитание дитяти так, чтобы оно было незнакомо со страданием. Последнее есть существенная и неизбежная сторона жизни; к чему же стараться оградить дитя от такого страдания, которое совершенно естественно в его возрасте? Это не значит, конечно, отказаться от ухода за ребенком и искусственно увеличивать число его страданий; нет, уход, и тщательный, за ребенком должен быть, страдать ребенок должен, по возможности, меньше, но страдание должно быть знакомо ему рано, с того времени, с которого посылает его природа. Будущий борец не может развиваться из дитяти, воспитанного в хлопчках и на розовых подушечках, от которого за версту угоняли каждую муху; изнеженный человек и борец несовместимы в одном лице. Дело не в том, чтобы не знать страдания, а в том, чтобы терпеливо и мужественно его переносить, бороться с ним соответствующими мерами, знать, что страдание пройдет и что против него есть средства. Пусть будет дитя, если из него должен выйти будущий борец, здоровым, крепким, выносливым, мужественным и при телесном и при духовном страдании; пустые сентиментальные страхи должны быть ему чужды, пусть оно смело глядит в глаза даже действительным детским опасностям.

Нужно позаботиться о товариществе для дитяти. Нельзя воспитывать будущего общественного деятеля вне общества; это было бы противоречием. Поэтому нужно подбирать сверстников и сверстниц и из них устроить детское общество для общих игр и прогулок. В отношениях к товарищам нужно наблюдать главным образом следующее: нужно принимать меры против стремления к командованию, если бы таковое в дитяти обнаружилось, и особенно необходимо ополчаться против унижения и подавления дитяти каким-нибудь насильником-товарищем, против нарушения прав товарищеской личности. <...>

Чтобы дитя действительно стремилось постоянно защищать права своей личности против всех покушающихся на нее необходимо ему

привыкнуть к бережному обращению с своей личностью в семье. А для этого семья должна быть построена на принципе свободы и уважения всех членов семьи. В семье не должно быть насильника, который имел бы полноту прав и минимум обязанностей, по отношению к которому все другие члены имели бы минимум прав и максимум обязанностей. Все члены семьи имеют свои права, обусловливаемые их возрастом и положением. В частности, дети имеют не только обязанности в своих отношениях к родителям, но и права. Эти права не совсем ясно сознаются иногда родителями, хотя и принимаются ими к руководству; мысль родителей охотнее останавливается на обязанностях детей. В настоящее время ни один родитель не имеет права жизни и смерти над детьми, все, напротив, обязаны всячески охранять и поддерживать жизнь детей, т. е. должны по возможности, по своему состоянию и разумению удовлетворительно питать дитя, одевать его, помещать, сделать возможными прогулки и игры. Далее возникает вопрос об образовании дитяти. На него опять имеет дитя право, и родители, не заботящиеся по мере сил об образовании своего дитяти, не исполняют одной из важнейших своих обязанностей. Получение образования должно быть обставлено родителями такими условиями, чтобы образовательный процесс совершался легко. Затем, наконец, по окончании образования или при завершении его возникнет вопрос о выборе профессии, в решении которого главный вес должна иметь не воля родителей, а склонность детей.

Таким образом, дети имеют наряду с обязанностями к родителям и весьма важные права на них. Дети не ослы, навьюченные грузом обязанностей, но личности, у которых, как и у взрослых личностей, обязанности идут наравне с правами. Поэтому к детям, даже самым маленьким, следует относиться с осмотрительностью, бережно, уважать в них человеческую личность и не нарушать права их. Родители должны отчетливо осознать свое отношение к детям и выполнять свои обязанности к ним без криков, без угроз, без раздражения и гнева, с каковым спокойствием должны требовать и от детей исполнения их обязанностей по отношению к себе. Семья, построенная на таких принципах, будет представлять благоприятную почву для гражданского развития дитяти, для развития в будущем энергичного борца за неприкосновенность своих личных и гражданских прав, врага от всего сердца всяких насильников.

Семья, имеющая в виду воспитать гражданина, должна живо интересоваться гражданскими, т. е. общественными, вопросами и делами. В семье дитя должно часто слышать рассуждение об общественных событиях, делах и интересах и впитывать понемногу нерасположение к

порядку жизни, основанному на насилии, на угнетении какой-либо более или менее значительной части населения отдельными группами и классами, на нарушении человеческих и культурных прав кого бы то ни было. <...>

Без живого интереса семьи к общественным вопросам семье трудно воспитать деятельного гражданина. Речь идет у нас не о каком-либо мимолетном порыве, не о взрыве чувства, который сейчас же и проходит, а о постоянном твердом настроении, долженствующем прочно укрепиться в человеке, руководить им во всей дальнейшей жизни и деятельности. Для создания такого настроения нужны средства, действующие медленно, но постоянно, а потому прочно и верно. Поэтому семья, равнодушная к общественным вопросам, старшие члены которой не выработали твердых, проникнутых справедливостью, общественных убеждений, не в состоянии воспитать настоящего гражданина-борца, который позднее понесет причитающуюся ему на долю часть общественной тяготы. Из семей без определенного общественного настроения могут выходить лишь легко ко всему приспособляющиеся субъекты, мягкотелые, которые, куда их ни кинь, нигде не ушибутся; эти люди обыкновенно становятся сначала друзьями насильников, а потом и сами делаются насильниками.

В постановке семьи, ее настроении, в той домашней атмосфере, которая присуща каждой семье, самое большое значение принадлежит женщине, матери. Она чаще и больше остается с детьми, чем отец; она ближе к детям, чем отец, и больше вникает в детские нужды, лучше понимает детские интересы и потребности. Поэтому мать гораздо больше отца влияет на детей, всесторонне вникая в их формировку; поэтому о матерях такие высокие, святыя воспоминания у всех людей. В частности, на склад гражданского настроения у детей мать окажет громадное влияние. Ее убеждения, ее симпатии и антипатии, ее настроения передадутся и детям. Если мать ясно понимает положение общества и государства, их взаимные отношения и те ближайшие задачи, которые стоят на очереди у того и другого, то она может оказать могущественное содействие образованию человека-гражданина; если же она чужда всем подобным вопросам и с головой погружена в переживание разнообразных мелочей своей женской жизни, тогда во влиянии семьи на формирование из дитяти человека-гражданина будет весьма заметный и чувствительный пробел. <...>

Наконец, семьи должны обратить внимание еще на одну мысль при воспитании человека-гражданина и вообще при своих отношениях к

подростающим поколениям. Родители сильно ошибаются, сосредоточивая свое преимущественное внимание при семейном воспитании детей на их образовании, на развитии их памяти и ума, на обогащении их сведениями, как это обыкновенно бывает. Сколько хлопочут родители, чтобы обучить детей пораньше читать и писать, иностранным языкам, прекрасно подготовить к поступлению в школу, а потом снабдить достаточным количеством учебников, учебных пособий, книг для чтения, коллекций всякого рода. У иных детей за годы школьного учения накапливаются целые библиотеки, образуются кабинеты и музей разных учебных вещей. Все это в известном смысле прекрасно, но очень уж одно-сторонне. Маленькой частичке того, что нужно делать, придается громадное значение, и из-за этой раздутой частички забывается большое целое, которое соответственно сокращается и низводится на что-то второстепенное. Человек не из одного ума состоит, и ум есть ли в человеке самое главное и первое? Какие большие и сложные задачи представляет развитие других сторон человеческого духа, помимо ума, как сложно телесное развитие человека, как трудно сделать человека твердым, мужественным, стойким и предприимчивым, какое множество условий требуется выполнить, чтобы воспитать хорошего человека-гражданина! Обо всем этом в семьях думают сравнительно очень мало. <...> А между тем все это вещи собственно малозначительные, почти пустяки. Дело в человеке, в его физической и духовной силе, а не в том, что он болтает на двух иностранных языках и обременил свою память массой книжных и малонужных знаний. Семьи, конечно, могут сослаться на то, что с них школы требуют такой постановки семейного воспитания, что они ничего не хотят знать, кроме загромождения памяти детей книжным хламом. Эта ссылка, может быть, справедлива. Но в данном случае мы не хотим разбирать, кто прав и кто виноват, мы хотим только указать на то, что при семейном воспитании нужно, необходимо и что составляет сравнительно второстепенное дело. При семейном воспитании самое главное и необходимое именно воспитание, т. е. укрепление тела, развитие выносливости и мужества, приучение к труду, к правдивости, к осмысленному отношению ко всему окружающему и многое другое, сему подобное, а не поспешное обучение чтению, письму, иностранным языкам и всякой книжной мудрости.

При современной постановке семейного воспитания требование от семей забот об общественном воспитании детей может показаться странным и излишним. Не до того, есть ближайшие и необходимейшие задачи по подготовке к школе, к переходу в следующий класс и т. д.,

а воспитывать гражданские чувства, общественное настроение некогда, нечем, да и незачем такой философией заниматься. Пусть займется этим делом школа, или после, сделавшись взрослым, человек сам пусть развивается как гражданин. Если же семьи будут ставить своей главной задачей воспитание, а не обучение, тогда и развитие общественно-нравственного сознания дитяти найдет свое почетное место в ряду других частных задач семейного воспитания.

О взаимодействии школьного и семейного воспитания

С поступлением дитяти в школу семейное воспитание вообще и в частности гражданское не прекращается, а расширяется, приобретает новый материал, встречает новые трудности. Поэтому мы должны отдать себе отчет об изменениях в постановке гражданского воспитания детей со времени поступления их в школу.

Школа, собственно, есть продолжение воспитательной деятельности семьи во всех отношениях. Хорошая школа так и должна понимать свою задачу, а потому и действовать в непосредственной связи с семьей и под ее влиянием. Те основные моменты, которые выше намечены в семейном воспитании, и те главные средства для гражданского воспитания, которые указаны, повторяются и в школе в расширенном и усиленном виде, и семья должна пользоваться ими, как прежде пользовалась своими семейными средствами.

<...> Семьями и школами детям школьного возраста должна быть предоставлена возможность гимнастических упражнений и общественных школьных игр, катания па коньках, на лыжах, в лодке, на велосипедах. С детьми должны быть предпринимаемы длинные прогулки пешком, экскурсии на день, на два, на три. Нужно иметь при этом в виду, что указываемые общие детские упражнения имеют большое значение не только для физического развития, но и для духовного – для развития наблюдательности, быстрой сообразительности, внимания, умения в нужный момент напрягать все физические и духовные силы <...>.

Во всем, здесь указанном, семья, школы и общество должны идти друг с другом рука об руку, должны поддерживать и восполнять друг друга. Здесь, т. е. в деле образования, нет вопросов только школьных, а есть лишь вопросы семейно-общественно-школьные. <...>

Родители должны наблюдать, чтобы их дитя не осталось в школе обособленным, одиночкой, чтобы оно не чуждалось товарищей. Для чего же и отдавать дитя в школу, если оно останется чуждым школьному товариществу? <...>

Если в школе, в которую поступило дитя, есть какие-либо партии, кружки, общества, то дитя непременно должно принимать в них участие по своему выбору. Пусть ничто школьное не будет чуждо школьнику, все вопросы, волнующие товарищей, должны волновать и его. Как скоро по этим вопросам возникают несогласия, споры, товарищи делятся на партии, то пусть и данный товарищ пускается в споры, произносит суждения, поддерживает мнение, кажущееся ему основательным и справедливым. Пусть он в школе будет борцом, тогда будет он борцом и в жизни. Вообще родители должны всячески преследовать в своем дитяти равнодушное отношение к товарищам, к их партиям, интересам, спорам, увлечениям; будущий общественный деятель может жить лишь в обществе, а жить в обществе не значит сторониться от интересов этого общества, смотреть на них свысока, фыркать на них. Будущий борец пусть учится бороться за дорогие ему интересы, за истину, за справедливость с молодых лет в школе.

Если у целого класса или какой-либо части и партии в нем вышло столкновение с начальством, если по разуму и по совести партии или класса товарищество поступает справедливо, то родители, не разделяющие взгляда своих детей, тем не менее должны облегчить им перенесение всех неприятных последствий, которые могут возникнуть от сопротивления начальству. Пусть родители не согласны с дитятей, пусть они по-другому смотрят на вопрос, вызвавший столкновение, чем их сын или дочь; это несколько не должно изменить их отношения к образу действий дитяти в данном случае. Дело в том, что каждый должен поступать по справедливости, так, как требуют его совесть и разум. Справедливое для детей и юношей не всегда бывает справедливым для людей зрелого возраста, и наоборот. А в таком случае как же быть? Нельзя взрослому свою голову пересадить на детское тело, т. е. иногда нельзя убедить детей и юношей в справедливости того, что считают справедливым взрослые. Вынудить их поступить против убеждения, против разума и совести – нелепо и безнравственно. Следовательно, родители пусть убеждают своих сыновей и дочерей, сколько хотят, в справедливости или несправедливости известного действия; убедят – хорошо, а не убедят – пусть предоставят сыновьям и дочерям действовать по их личному чувству справедливости и пусть помогут им бодро, весело, без каких-либо серьезных неудобств перенести все те неприятные последствия, которые могут произойти от столкновения с упорно защищаемым мнением и авторитетом школьного начальства.

Родителям следует тщательно присматриваться к товарищам сына или подругам дочери не только в тех видах, чтобы по возможности пре-

дохранить от дурного товарищества, но и еще более затем, чтобы не было сильного давления и даже прямого угнетения товарищеской личности кем бы то ни было. Если в тесном кругу семейных знакомств легко могли быть такие случаи, то тем больше опасностей в данном отношении предстоит при школьном товариществе, которое весьма велико и разнообразно. Это последнее обстоятельство непременно потребует помощи от родителей учащемуся, чтобы он со смыслом и правильно мог по несколько часов в день вращаться в таком большом обществе, каково школьное. <...>

Семья и школа, в которых воспитывается дитя, такого рода общества, в которых порядки и законы составляются помимо детей; но это совсем не значит, чтобы в разумном гражданском воспитании детей отсутствовало чувство законности, чтобы детям не прививалось убеждение в необходимости твердого порядка жизни и устранения личных усмотрений. Нет. Остановимся прежде всего на семейном порядке и законе.

В каждой семье есть свой порядок, совершенно, абсолютно беспорядочной семьи не найти. Как составляется семейный порядок жизни? Он составляется для удовлетворения потребностей всех членов семьи. В семье есть старшие члены – их интересы имеет в виду семейный порядок; в семье есть младшие члены – и их интересы семейный порядок также непременно должен иметь в виду и удовлетворять. Таким образом, семейный порядок есть такой уклад жизни, который имеет в виду интересы всех членов семьи, совмещает их и удовлетворяет, никого не обижая, не давая одним членам преимуществ во вред и беспокойство другим. Вот эту-то мысль и нужно разъяснить детям. Дети должны знать и понять, что хотя они маленькие, что хотя семейный порядок и устанавливался, по-видимому, без их участия и содействия, но на самом деле они участвовали в его создании, их нужды и интересы семейным порядком предусмотрены и приняты во внимание. А когда они станут больше, когда установленный порядок окажется для них неудобным в каком-либо отношении, особенно же если он будет их неразумно стеснять и нарушать их права, то они могут заявлять об этом, и разумный семейный порядок изменится в таком направлении, чтобы их права и их свобода были уважены и восстановлены с сохранением прав и свободы всех других членов семьи. В установлении такого удобного для всех членов семьи порядка жизни и в таковых же целесообразных его изменениях и будет заключаться общественная законодательная мудрость семьи. Дитя мало-помалу поймет тогда, что порядок – не враг его, не угнетатель, а друг и верный помощник, без которого жить невозможно, без которого

начнется полное семейное расстройство, а вместе – нарушения и по-
вреждения прав всех и каждого; дитя поймет, что нужно строго блю-
сти за исполнением порядка, не нарушать его, что в этом его польза и
спокойствие, а равно польза и спокойствие всех других членов семьи.
Отсюда же дитяти будет вполне ясно, насколько неудобно учреждать
порядок в интересах преимущественно одного лица или одной группы
лиц, например старших или младших членов семьи, с нарушением прав
и свободы других членов. Это будет уже не порядок, а притеснение, уза-
коненное насилие одних над другими; согласиться на такой беспорядок
могут только утеснители, но не утесняемые, только первые могут при-
знать такой беспорядок прекрасным, святым и божественным порядком
и в попытках его изменения видеть преступление и крамолу; для вторых
же он будет вопиющим злом, нарушением прав, выражением торжества
грубой силы, подлежащим ниспровержению и посрамлению.

Таким путем каждая разумная семья может в достаточной мере раз-
вивать в детях чувство законности и сознание необходимости твердого
порядка всюду, в каждом самом маленьком обществе, в каждом самом
отдаленном уголке общественной жизни.

Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Каптерев ;
под ред. А. М. Арсеньева. – М. : Педагогика, 1982. – 704 с. – (Пед. б-ка).

Петр Францевич Лесгафт (1837–1909)

Особо важное значение в развитии лич-
ности человека П. Ф. Лесгафт придавал пери-
оду семейного воспитания со дня рождения
ребёнка до конца седьмого года, периоду ког-
да складывается тип ребенка, усваиваются им
обычаи и привычки семьи, периоду который
«имеет большое влияние на жизнь человека и
оставляет почти неизгладимый след на всём
его будущем существовании». Поэтому, глав-
ную задачу родителей П. Ф. Лесгафт видел в
том, чтобы они создали в семье такие усло-
вия, которые позволили бы детям с раннего
возраста свободно и гармонически развиваться, посылить участвовать в
деятельности взрослых. Правильно поставленное семейное воспитание

способствует созданию нормального типа ребёнка, сохранению и развитию ценнейших качества: впечатлительность ко всему окружающему, самостоятельность, отзывчивость, искренность, правдивость, интерес к познанию и т.п.

Главную тайну семейного воспитания П. Ф. Лесгафт видел в том, чтобы «дать ребёнку возможность самому развёртываться, делать всё самому».

Телесные наказания детей, по убеждению П. Ф. Лесгафта совершенно недопустимы, т. к. они вредны с биологической, психологической и педагогической стороны. Все действия родителей должны быть строго обдуманно, последовательны, предусматривать выработку у детей навыков сосредоточенности, дисциплинированности, доведения своего дела до конца, умения преодолевать препятствия и трудности при достижении поставленных целей.

Семейное воспитание ребенка и его значение

Из предисловия

Цель данного сочинения – выяснить связь, существующую между условиями семейной жизни ребенка и его проявлениями, а также выяснить условия, в зависимости от которых устанавливаются темперамент, тип и характер человека. Обыкновенно приписывают самому ребенку все замечаемые у него неблагоприятные явления, говорят даже иногда о врожденной его злобности, не думая и не подозревая, что качества ребенка являются отражением качеств окружающих его лиц. Врожденными у ребенка можно считать только явления, связанные с его темпераментом, т. е. только степень силы и быстроты его размышлений и действий. Затем он переживает имитационный период, во время которого у него складываются его речь, все главные его привычки и обычаи, вообще все типичные его явления. На самом деле ребенок должен являться серьезной причиной совершенствования представителей семьи, в особенности относительно их правдивости, искренности и прямоты: если любящая мать озабочена развитием своего ребенка и из наблюдения знает, как качества последнего слагаются из действий и рассуждений окружающих его лиц, то она несомненно станет зорко следить за всяким своим действием и словом, избегать всякого произвола и всегда щадить личность своего ребенка; этим она несомненно будет содействовать собственному своему совершенствованию, а полным соответствием между своим словом и делом непременно приучит и ребенка к правдивости, непосредственности и искренности и этим положит верное основание

для развития нравственного характера человека. При изучении человека и условий его образования всего глубже складывается убеждение, насколько сильно влияют не слова, а действия близких лиц на развивающегося ребенка и насколько любовь к труду, работа и правдивость воспитателя содействуют нравственному развитию ребенка. <...>

28 января 1900 г.
С.-Петербург

П. Лесгафт

О наказаниях в семье

<...> Более 20 лет прошло с тех пор, как этот вопрос, казалось, был решен Николаем Ивановичем. Однако и теперь он еще не устарел, напротив, как это ни странно, помолодел; потому, мне кажется, не безынтересным рассмотреть его несколько глубже и подробнее, причем я коснусь общего значения наказания или мер. Ребенок, выросший под непрестанным применением их, представляет собой резкий и обособленный тип.

Крупными и характерными чертами его являются: подозрительность, резкость и угловатость действий, замкнутость, тупая и медленная реакция на внешние впечатления, проявление мелкого самолюбия и резкие выходки, сменяющиеся полной апатией. Ко всем своим занятиям и даже дозволенным развлечениям он относится отрицательно, всегда стараясь отделаться, освободиться от них. Умственная неподвижность и вялость составляют самое общее, самое главное и выдающееся свойство этого ребенка.

Он вырастет под влиянием постоянного ограничения свободы, постоянных то понуканий, то запретов, касавшихся его игр, его занятий, его дум – словом, всех проявлений его внутренней и внешней жизни; мало того, все они подвергались холодным, отталкивающим насмешкам, нападкам, осуждениям, всегда их находили нехорошими, безобразными и постоянно исправляли применением к ним целой системы наказаний или мер. И все это делалось большей частью под влиянием личного раздражения, произвольно, безобразно, грубо. Наконец, сплошь и рядом оскорбляли личность ребенка перед другими, оскорбляли чужие, холодные, нелюбимые лица. Ребенок, например, берет что-нибудь такое, что на него производит сильное впечатление или удовлетворяет его потребности; его застают при этом и громкогласно обзывают вором. Иногда несчастный случай делает ребенка невольной, совершенно бессознательной причиной страданий или даже смерти другого – его называют

извергом, убийцей. Заклейменный таким названием с малолетства, он слышит его со всех сторон и с этим вместе подвергается преследованию своих домашних, часто даже почти всех своих товарищей. Он скажет неправду, и его обзовут лгуном, не наедине, случайно и единично, но опять же громогласно и постоянно.

К числу условий, содействующих развитию этого типа, следует также отнести строгое распределение времени ребенка с обязательными занятиями, невозможность самостоятельно распоряжаться даже своими играми и развлечениями, строгое и постоянное взыскание за всякое нарушение установленных правил или так называемых порядков, при отсутствии всякой любви и доброго отношения к ребенку. К этому еще часто присоединяется неумелое, грубое или даже служебное отношение к делу со стороны воспитателей и наставников, полное их незнакомство с нравами и потребностями детей и преследование всякого проявления их личности, дум и рассуждений.

<...> Запретите, например, строго-настрого хотя бы четырехлетнему ребенку брать варенье с тарелочки, поставленной на столе, и обещайте наказать в случае ослушания. Оставшись в комнате наедине, ребенок непременно соблазнится лакомым блюдом, и тем скорее, чем более он по опыту уверен в исполнении угрозы. Он ткнет целый кулак в тарелочку и убежит, чтобы облизать кулак, но оставит при этом следы на губах и на платье. Ребенок же, которого никогда не наказывали, которому даже никогда строго не приказывали, никогда ничего не возьмет, если только любящая мать серьезно скажет ему, чтобы он не брал с тарелочки варенье, и при этом объяснит причину, почему не следует брать. Подобных примеров всегда много, и они наглядно показывают огромное значение простого и любящего отношения к ребенку. Сила мягкого, спокойного слова так велика, что с нею не может сравниться никакое наказание. К сожалению, это слишком часто забывают при воспитании и прибегают к мерам, положительно пагубным по своим последствиям. Действуя обыкновенно под влиянием личного раздражения, воспитатели применяют свои меры произвольно и безответно. Вместо того чтобы поступить сознательно и анализировать данный проступок, они тешат себя тем, что переводят свое раздражение в ряд безобразных движений. Необходимо, чтобы воспитатель всегда рассуждал, а не допускал у себя рефлекторных движений; иначе он впадет в абсурд и, преследуя за нарушение дисциплины, своими действиями ясно покажет, что сам не умеет владеть собой, т. е. что сам недостаточно дисциплинирован.

Если, приведя ребенка к порядку, возвысить голос или крикнуть, то он встрепенется, затихнет и в этом состоянии останется в продолжение известного промежутка времени, который будет тем меньше, чем более ребенок привык к подобному обращению или чем тише и мягче был сделан подобный призыв. После более или менее продолжительного покойного состояния ребенок задвигается, покажет язык или сделает какое-либо безобразное движение. <...>

Все эти явления можно себе выяснить на основании известного свойства нервной системы. Болевые ощущения при периферическом раздражении какой-либо ветви нервного ствола совершенно исчезают при более сильном раздражении концов другой ветви того же ствола. Боли зубов, например, нижней челюсти могут в известных случаях совершенно исчезнуть при раздражении кожи височной области больной стороны. Более сильные раздражения, видимо, угнетают всякую деятельность в остальных проводниках данного ствола; однако после прекращения раздражения болевые ощущения снова появляются, но уже с большим упорством. Чтобы уничтожить и эту боль, требуется применение более сильного раздражения и т. д., наконец, можно дойти до того, что даже и каленое железо перестанет действовать.

То же самое приходится наблюдать и в психических проявлениях ребенка. Какое-либо возбуждение или раздражение вызывает известное действие; наставник (часто крайне раздраженный поступком ребенка), желая прекратить это действие, применяет к нему более сильное раздражение в виде выговора, крика или даже осязательного действия. Этим, как говорят, возбуждаются задерживающие центры и угнетается замеченная деятельность или движение. Как в первом случае болевые ощущения, несомненно, появятся снова на том простом основании, что мы не удалили и не уничтожили причины их и только заглушали или угнетали ее влияние, так и в последнем случае опять появятся прежние действия, но только с большей резкостью и упорством, степень которых тем больше, чем сильнее и продолжительнее было угнетение. <...>

Следовательно, мы должны стремиться к тому, чтобы действиями и чувствованиями ребенка руководил разум и воля, а не внешние тормозящие влияния, которые, действуя на развитие задерживающих центров, неизбежно понижают умственную деятельность. При этом надо еще помнить, что раздражение тормозов должно расти пропорционально логарифму возбуждения их и что только тогда это последнее дает результат. При меньшем раздражении вместо возбуждения мы получим апатию. Ясно, что такая внешняя дисциплина отвечает не задаче

школы, ибо идеалом последней не может быть апатичный и умственно вялый ребенок. Наоборот, если мы даем ему возможность развиваться постепенно и последовательно, если мы доведем его до сознательной, разумной работы, то у него разовьется внутренняя волевая дисциплина, вполне и во всех отношениях соответствующая целям и задачам школы и воспитания вообще. Такой ребенок остается весьма впечатлительным и способным к вдумчивому, мягкому и спокойному отношению к различным явлениям и окружающим его людям.

Все меры, применяемые к детям, обыкновенно приводятся в исполнение под влиянием личного раздражения, которое исключает спокойную оценку проступка и ведет к произвольному и несправедливому преследованию ребенка, к оскорблению его личности, а это в свою очередь порождает в нем злобу и ненависть к преследователям. Наоборот, разумное воспитание, доводящее ребенка до способности к анализу, к выработке понятий и истин, научает его понимать правду, глубоко уважать и любить тех, которые поступали с ним по правде и не оскорбляли его личного достоинства. Воспитатель, прибегающий к мерам наказания, конечно, не знает всего могущества и силы спокойного правдивого слова, не понимает значения личной неприкосновенности и уважения другого лица. <...>

Мать, няня, воспитатель, относящийся к ребенку с истинной любовью и действительным участием, могут иногда прибегнуть к различным мерам наказания, не забывая ребенка и не нанося ему этим вреда. Но даже и такое видоизменение мер нельзя возводить в принцип; хотя он в этом случае имеет совершенно другое значение: то, что мы переносили от близкого и любимого человека, что от него нас иногда даже приятно возбуждает, может оскорблять и нравственно угнетать, если нам будет причинено чужим, холодным и нелюбящим человеком. <...>

Иногда, впрочем, и механическое действие может вредно повлиять на организм ребенка. Поставить ребенка в угол или на стойку среди комнаты признается обыкновенно легким наказанием, между тем как на самом деле это далеко не так, и влияние такого положения на ребенка совершенно иное, чем на взрослого. У ребенка основа туловища (позвоночный столб) еще не вполне развита, и он не в состоянии удерживаться в положении стоя условиями равновесия отдельных частей позвоночника, как это бывает у взрослого, ему необходима для этого мышечная деятельность. Но однообразная мышечная работа очень скоро приводит к утомлению, которое действует угнетающим образом на ребенка и делает его совершенно неспособным к какой-либо деятельности. Утомление ребенка, доведенное до полного изнеможения, навряд ли может

служить хорошей мерой его исправления. Чтобы убедиться, насколько тягостно и мучительно мышечное утомление, стоит только поднять руку до уровня плеча и удержать в горизонтальном положении от 15 до 20 мин. Не всякий взрослый в состоянии сделать это, а если и сделает это, то будет настолько утомлен, что окажется неспособным к спокойному продолжению своей деятельности. То же самое будет, если поставить ребенка на колени или заставить его принимать различные неловкие положения, в выдумках которых иногда изощряются педагоги. <...> Таская ребенка за волосы или наделяя его пощечинами, легко произвести у него сотрясение мозга со всеми его последствиями. Наказание розгами раздражает область, сосуды и нервы которой получаются из того же ствола, откуда выходят нервные ветви соседних половых органов. Следовательно, раздражение ягодичной области возбуждает также и половые органы. Последнее обстоятельство особенно невыгодно в школьном возрасте, когда именно и развиваются эти органы. Подобное искусственное возбуждение легко может вести к онанизму, что на самом деле и наблюдалось в таких случаях. Кроме того, чем моложе ребенок, тем менее твердо установилась основа его организма; между отдельными частями ее существуют нежные образовательные элементы и сильно развитые сосудистые сети, приносящие увеличенное количество питательных веществ, необходимых для роста, развития и уплотнения этих частей основы. При усиленном местном раздражении нормальный физиологический процесс легко переходит в ненормальный, патологический; следовательно, опять же искусственно создаются причины, приводящие к страданиям, иногда очень серьезным. <...>

Забитый человек может быть только слепым исполнителем; действовать же самостоятельно и толково, выказать понимание дела он не способен, а будет только фыркать, чем, понятно, делу не пособит.

Указание на то, что многих наказывали телесно, а между тем они выросли и сделались замечательными людьми, не имеет смысла, так как для выяснения причинной связи необходимо знать все условия, при которых ребенок жил и вырос, а кроме того, понятие о «замечательности» человека весьма относительное.

Тот взгляд, по которому маленького ребенка можно наказать телесно, а постарше не следует, тоже неверен, ибо чем моложе ребенок, тем нежнее и менее стоек его организм и тем легче наказания могут вести к различным физическим страданиям.

Воспитатели часто находят необходимым наказывать телесно таких детей, которых наказывали в семье, и основываются на том, что с ними

иначе невозможно справиться; с этим взглядом также нельзя согласиться; ближайшее знакомство с нравами ребенка показывает, что лучшим средством в таких случаях будет спокойное, справедливое и ровное отношение к нему. Мерами возможно еще более развить его злобу и ненависть и увеличить его безобразные внешние проявления. Мы можем убедиться в этом, наблюдая влияние на него хорошего, добродушного товарища: не внешней лаской, а простым, справедливым отношением он настолько влияет на забитого ребенка, что приковывает его к себе и заставляет покоряться всем справедливым требованиям.

<...> Замечаемые у такого ребенка апатия и умственная вялость будут, без сомнения, прямым результатом сильных возбуждений или постоянных понуканий, которым он подвергался всегда. Между тем как цель и значение тех действий, к которым мы его понукали, не выяснялись никогда. Нет ничего убийственнее совершенно бесцельной и непонятной для исполнения работы, она делается совершенно внешней, механической и вовсе не возбуждает к деятельности умственные центры. Предположение, что необходимо постоянно принуждать ребенка к занятиям, совершенно неверно; напротив, необходимо, чтобы он сам приискивал себе занятия и непременно сам распределял и распоряжался своим временем. При привычке спокойно рассуждать над своей работой труд распределяется правильно между органами умственной и физической жизни, и поэтому он может продолжаться очень долго, не доводя до утомления. Кроме того, физический труд под влиянием умственной деятельности постоянно видоизменяется и переводится то на те, то на другие мышечные группы, причем в каждой из них работа сменяется отдыхом.

Распоряжаясь своими занятиями, ребенок, утомившись умственным трудом, непременно перейдет к физическому, и обратно. Если ребенок, предоставленный себе, бездействует, то это указывает на понижение впечатлительности и апатию, как следствие бывших сильных возбуждений и раздражений. При нормальных условиях проявление лени у ребенка немыслимо. Непомерное количество занятий, несоответствие требований с уровнем развития ребенка – все это требует слишком большого напряжения сил и приводит к скорому утомлению, а продолжительное утомление – к изнурению. Если к этому прибавлять еще искусственные возбуждения применением мер, то мы только еще больше приучим к раздражениям, уменьшим его впечатлительность и еще больше увеличим причину тех зол, с которыми думаем бороться, – еще больше увеличим ту вялость, апатию, лень, которые составляют

неминуемые следствия наших непомерных или однообразных требований, поддерживаемых розгой. <...>

При знакомстве с подобным типом, который можно назвать злостно-забитым, всего сильнее выступает значение несправедливости и произвола при воспитании, значение угнетения и оскорбления человеческих достоинств ребенка. Любовь, основанная на идее правды, возвышает и заставляет уважать его; без нее немыслимо развитие истинно человеческих качеств и достоинств, поэтому самый главный и существенный агент при воспитании будет только искренняя, неподдельная, глубокая любовь. <...>

Об играх

Вопрос об играх в семье настолько серьезный и существенный, что для выяснения его значения необходимо ознакомиться с установкой его в литературе и с разрешением этого вопроса на основании изучения природы ребенка семейного возраста и его проявлений. <...>

Можно сказать, что все первое свое образование в семье ребенок получает при посредстве имитационных игр, в которых он повторяет все то из окружающей его жизни, что оставляет в нем наиболее глубокий след и что более соответствует его умению. <...> Ребенок всегда является зеркалом среды; он играми усваивает все привычки и обычаи своей среды, воспринимая все, что чаще видит и узнает от окружающих его лиц. При благоприятных условиях ребенок должен очень хорошо влиять на членов семьи, заставляя их внимательнее относиться к своим размышлениям и действиям и устранять всякий произвольный и грубый поступок, иначе он его повторит и наглядно представит неблагоприятность таких действий. Навязывать ему что-либо нельзя, так как он не всегда поймет требуемого и не будет в состоянии его исполнить. <...> Каждый воспитатель должен хорошо помнить, что нельзя от ребенка требовать больше того, что последний может дать, иначе ребенок будет не в состоянии исполнить требования и будет их обходить. Как часто кажется, что ребенок вполне усвоил себе все ему сообщенное, и между тем на деле оказывается, что он захватил механически памятью то, что ему непонятно и к чему он не подготовлен. Если воспитатель желает сохранить впечатлительность ребенка, он не должен подвергать его никаким резким возбуждениям и не нарушать в своих требованиях ни постепенности, ни последовательности, иначе он сделает его апатичным, и тогда в силу психофизического закона для выведения его из угнетенного состояния раздражение должно увеличиваться в геометрической

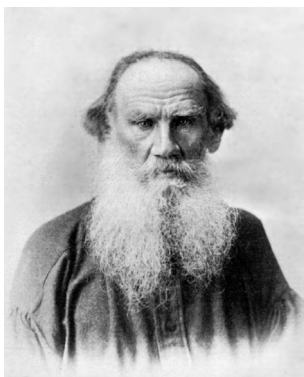
прогрессии, чтобы ощущение росло в арифметической. Резкое слово, обращенное сегодня к скучающему и апатичному ребенку, скоро еще более его притупляет, так что завтра оно уже не действует, необходимо его усилить, перейти к крику, а затем к различным мерам преследования и к телесным наказаниям; все это только угнетает его и понижает впечатлительность, причем апатичность к окружающим явлениям настолько увеличивается у ребенка, что он становится все менее и менее наблюдательным. Несмотря на то что причина такого явления лежит в воспитателе, обвиняют ребенка, жизнь которого расстроена неумелыми требованиями и действиями воспитателя.

Нормальный ход развития ребенка в семье состоит в наблюдении над окружающей его средой, повторении подмеченного и рассуждении о воспринятом. Наблюдением он разъединяет, на что сам натывается и что более соответствует его силам и умению, он повторяет и этим приучается к действиям, а затем рассуждает о воспринятом и сравнивает его с прежде подмеченным; из этого слагается его опытность. Этим естественным путем он знакомится с окружающим его миром, им же приучается к деятельности, а при посредстве рассуждения сходит с почвы имитации и начинает самостоятельно проявляться, смотря по индивидуальным своим качествам и способностям. Сравнением он подмечает общие качества и вырабатывает общие положения, которые в виде понятия о правде являются главным руководителем нравственной его жизни. При наблюдении за детьми легко заметить, что один и тот же возбудитель действует неодинаково на всех, причем темперамент, т. е. степень силы и быстроты проявлений, имеет большое значение: более способные реагируют сильнее, один глубже и быстрее усваивает себе подмеченное и легче справляется с препятствиями, на которые натывается, а другой воспринимает медленнее или поверхностнее и труднее справляется со своей работой. <...>

Лесгафт, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Лесгафт ; сост. И. Н. Решетень. – М. : Педагогика, 1988. – 400 с. – (Пед. б-ка).

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

Л. Н. Толстой был сторонником семейного воспитания и обучения детей дошкольного и раннего школьного возраста. Воспитание детей он считал одной из самых важных задач и обязанностей родителей.

Главным условием первоначального семейного воспитания детей Толстой считал здоровый семейный уклад, согласие родителей, взаимное уважение между ними, единый подход их к детям и делу воспитания, примерное поведение отца и матери, постоянное нравственное самоусовершенствование их, близость, тесное общение родителей с детьми.

Мысли о воспитании
(из писем и дневников 1895–1902 гг.)

<...> Воспитание представляется ложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать других мы можем только через себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни: как надо самому жить? Потому что не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включалось бы в воспитание себя. Как одевать, как кормить, как класть спать, как учить детей? Точно так же, как себя. Если отец, мать одеваются, едят, спят умеренно и работают и учатся, то дети будут то же делать. Два правила я бы дал для воспитания: самому не только жить хорошо, но работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать из своей жизни от детей. Лучше, чтобы дети знали про слабые стороны своих родителей, чем то, чтобы они чувствовали, что есть у их родителей скрытая от них жизнь и есть показная. Все трудности воспитания вытекают из того, что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть этих недостатков в детях. В этом вся трудность и вся борьба с детьми. Дети нравственно гораздо проницательнее взрослых, и они, часто не выказывая и даже не сознавая этого, видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков – лицемерие родителей и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям.

Лицемерие родителей при воспитании детей есть самое обычное явление, и дети чутки и замечают его сейчас же, и отвращаются, и разворачиваются. Правда есть первое, главное условие действительности духовного влияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтобы не страшно было детям видеть всю правду своей и родителей жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или по крайней мере менее дурной.

И потому воспитание других включается в воспитание себя, и другого ничего не нужно.

Оба вопроса о воспитании и об отношении к людям сводятся в один вопрос, именно в последний: как относиться к людям не на словах только, а на деле. Если этот вопрос решен и жизнь отца идет по такому или другому решению, то в этой жизни отца и будет все воспитание детей. А если решение правильно, то отец и не введет соблазна в жизнь детей; если же нет, то будет обратное. Знание же, которое приобретут или не приобретут дети, – это дело второстепенное и ни в коем случае не важное. К чему будут способности у ребенка, тому он научится, хотя бы жил в захолустье.

Родители, живя развратно, невоздержанно в пище, праздно – в неуважении к людям – жизнью, всегда требуют от детей воздержания, деятельности, уважения к людям. Но язык жизни, примера далеко слышен и виден и ясен и большим, и малым, и своим, и иногородцам. <...>

Стоит заняться воспитанием, чтобы увидеть все свои прорехи. А увидав, начинаешь исправлять их. А исправлять самого себя и есть наилучшее средство воспитания своих и чужих детей и больших людей.

Для того чтобы воспитывать хорошо, надо жить хорошо перед теми, которых воспитываешь. А потому и в вопросе о половом общении надо быть, насколько можешь, чистым и правдивым: если считаешь половое общение грехом и живешь целомудренно, можно и должно проповедовать целомудрие детям. Если же стремишься к целомудрию, но не достигаешь его, так и надо говорить детям. Если же живешь нецеломудренно и не можешь и не хочешь жить иначе, то невольно будешь скрывать это от детей и не будешь им говорить про это. Так это и делают.

Воспитание есть последствие жизни. Обыкновенно предполагается, что люди известного поколения знают, какими должны быть люди вообще, и потому могут их готовить к такому состоянию. Это совершенно несправедливо: люди, во-первых, не знают, какими должны быть люди, – могут в лучшем случае знать только идеал, к которому им свой-

ственно стремиться; во-вторых, люди, воспитывающие сами, никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются.

И потому все воспитание сводится к тому, чтобы самому жить хорошо, т. е. самому двигаться, воспитываться: только этим люди влияют на других, воспитывают их, и тем более на детей, с которыми они связаны.
<...>

Толстой, Л. Н. Педагогические сочинения / Л. Н. Толстой ; сост. Н. В. Вейкшан (Кудрявая). – М. : Педагогика, 1989. – 544 с. – (Пед. б-ка).

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. XX в.

В советский период осуществлялась государственная политика, приоритетом которой было общественное воспитание. Еще 20 ноября 1917 года Наркомпрос опубликовал «Декларацию по дошкольному воспитанию», в которой указывалось, что общественное бесплатное воспитание детей должно начаться с первого дня рождения ребенка. Семье отводилось второстепенное место после школы по степени влияния на процесс формирования личности ребенка.

В теории коммунистического воспитания, составной частью которой рассматривалась семейная педагогика, всячески подчеркивалось, что семейное воспитание перестало быть только личным делом отцов и матерей. Конституция СССР (ст. 66) подчеркивала, что граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества.

Семейное воспитание детей одновременно рассматривалось и как самовоспитание отцов и матерей, т.к. родители не могут положительно влиять на детей, если сами не изменяются к лучшему, не совершенствуются.

Многодетная семья, с воспитательной точки зрения, считалась более предпочтительной. Именно в такой семье у каждого ребенка естественно возникает богатая палитра взаимоотношений с близкими. Он не только сын или дочь своих родителей, но и одновременно брат или сестра, что и позволяет ребенку не только научиться послушанию, покровительству, руководству, но и овладеть талантом общения.

Антон Семенович Макаренко

(1888–1939)

А.С. Макаренко был убежден, что наличие полной семьи, крепкого коллектива, где отец и мать живут дружно между собой и с детьми, где царствуют любовь и взаимное уважение, где имеет место четкий режим и трудовая деятельность – это главнейшее условие семейного воспитания.

А. С. Макаренко дал психолого-педагогический анализ ложных видов родительского авторитета, противопоставив истинный авто-

ритет, главным основанием которого является жизнь и работа родителей, их гражданское лицо и поведение.

Ребенок – это член семьи и, следовательно, участник всего семейного хозяйства, в условиях которого он приучается к будущей своей хозяйственной деятельности, у него воспитываются коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность.

О воспитании

Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Наши дети – это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети – это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети – это наша старость. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него. <...>

Прежде всего, обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силе каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое – перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания – уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделаться не может и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно

воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания переделки – это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно. <...>

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семье, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений.

Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату – это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постарается, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи – вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьезное внимание, – это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть. <...>

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий

деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте если надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина. <...>

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходиться к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересовать и ваших детей. Они должны знать, что вы – общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение – самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету – все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания! <...>

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой советской семьей. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребенок не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной. Надо прежде всего самому быть хорошим гражданином и вносить свое гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

О родительском авторитете

<...> Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребенком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется? Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это – особый талант. Если таланта нет, то и поделаться ничем нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только

одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. <...> Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На проверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. <...>

Авторитет подавления. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк раздражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забытых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьезно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы и такая семья не может быть названа советской семьей.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. <...> Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пытаются и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа – начальник, мой папа – писатель, мой папа – командир, мой папа – знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт – все это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их – это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. <...> На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть даже в шутиливом тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети – это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем

взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходиться к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их хуление и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок...»

<...> В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С самых малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии, нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выраживает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний, капризов, тре-

бований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигает крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа – самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стеснясь, так и говорят: будешь слушаться – куплю тебе лошадку, будешь слушаться – пойдем в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

<...> Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волюнку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра ему что-нибудь обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечтают, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать – другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

О дисциплине

Слово «дисциплина» имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

<...> Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина – это тот хороший конец, к которому должен стремиться воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на своем заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы.

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной: это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины – очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина – это результат, а во всяком деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо...»

<...> Совсем другое дело режим. Режим, как мы уже говорили, – это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство в какой угодно области жизни нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую луч-

шую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный, самый лучший режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях – другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, ее удобства, дорога в школу, оживленность улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребенок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к более взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку, свято верят в целебность принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мертвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание преследует определенные цели, причем эти цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьезная задача – приучать детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т.е. правила умывания, пользования ванной, душем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нем, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и наконец наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребенок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта привычка закреплена, перед родителями

возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой: таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима – явление временное и преходящее; так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, а нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

<...> Рекомендую родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли, для чего это нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильном поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определенность. Если сегодня нужно чистить зубы, то нужно их чистить и завтра; если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределенность лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собой распоряжений. Правильный режим должен отличаться определенностью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребенка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем все меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придется прибегать к наказаниям.

<...> Определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете, чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе не трудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках гораздо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставания и время отхода ко сну – одно и то же как в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют свое место, должны после работы или игры пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребенок должен знать свое место за столом, приходить к столу вовремя, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съедать все, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

<...> Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие – разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвертые – приказом, пятые – поощрениями, шестые – наказаниями, седьмые – уступчивостью, восьмые – твердостью. В течение семейной жизни, конечно, много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твердость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и эта единственная и лучшая форма – распоряжение.

<...> Семейный режим потому должен строиться, развиваться и действовать прежде всего как деловое установление. Делового тона

родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьезный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но, когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребенку полтора-два года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрямство.
2. Оно должно быть сильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.
3. Оно должно быть разумным, т.е. не должно противоречить здравому смыслу.
4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своем распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходимы постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребенка; ребенок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребенку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребенок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребенок в первый раз не послушался вас, следует по-

вторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

– Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чем-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области – следить, чтобы у детей не накаплился опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придется впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это – самый правильный путь семейного воспитания.

Макаренко, А. С. Избранные произведения : в 3 т. / А. С. Макаренко / редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) [и др.]. – К. : Рад. шк., 1985. – Т. 3. – 592 с.

Василий Александрович Сухомлинский (1918–1970)

Произведения В.А. Сухомлинского, посвященные семейному воспитанию пронизаны мыслью о том, что ребенок – это воплощение его родителей.

Смысл и цель семейной жизни – воспитание детей. Каждый может достичь в этом деле вершины совершенства – стать настоящим мастером. Мудрость отцовства и материнства – бесценное нравственное богатство всего общества. Родители воспитывают детей каждым своим шагом, каждым поступком. Они – первое наглядное представление о чело-

веке, открывающееся перед ребенком, когда он начинает познавать мир. Хорошие или плохие дети – это зеркало морали родителей, их гражданского долга, поведения, культуры.

Огромная ответственность в семейном воспитании лежит на родителях, на их взаимоотношениях. Поэтому, по мнению В.А. Сухомлинского, в браке ни на минуту не должно прекращаться взаимное воспитание и самовоспитание.

Особое внимание В.А. Сухомлинский обратил на подготовку юношей и девушек к семейной жизни. Педагог отмечал, что перед тем как создать семью, человек должен проверить готов ли он к этому: умеет ли быть преданным, верным человеку; нет ли у него лени, эгоизма, бессердечности; умеет ли он повелевать своими желаниями.

О родительской любви

Ребенок не может жить, не может по-настоящему развиваться нравственно, не может постепенно войти в большой мир гражданской жизни, *если он не умеет любить.*

...Если бы все взрослые понимали, как дорожит ребенок любовью матери и отца, бабушки и бабушки! Не той слепой и безотчетной любовью, которая готова закрыть глаза на все предосудительное и видеть только хорошее, даже там, где хорошего нет, а мудрой, требовательной, по-человечески скупой и по-человечески щедрой. Как добиться того, чтобы ребенок дорожил вашей любовью, матери и отца, бабушки и бабушки? Здесь исключительно важна одна трудно уловимая вещь: ребенок всегда должен чувствовать, что он еще не стал таким, каким хотят его видеть и каким любят его родные. У ребенка должно жить в душе неугасимое стремление к моральному совершенству. Это и есть чистое, благородное человеческое стремление быть любимым. Сережа дорожит бабушкиным поцелуем потому, что бабушка не целует его каждый день; она с болью душевной говорит ему о том, каким ему следует быть и каким он, к сожалению, еще не стал: еще надо приложить усилия – и вот ты станешь таким, каким надо быть настоящему человеку. У мудрого отца – матери сын всегда чувствует, что в мире есть люди лучше, морально выше, достойнее его; стать таким, как эти люди, – к этому надо стремиться, я люблю тебя не столько за то, какой ты есть, сколько за то, каким ты – верю в это – станешь. На этом в сущности и держится материнская и отцовская любовь и сыновняя преданность.

О воспитании чувства верности

Человек оставляет себя в человеке. В этом не только бессмертие рода человеческого, но и счастье каждой личности. Смысл твоей жизни в конечном счете заключается в том, чтобы повторить себя в человеке. В этом высшее счастье и смысл жизни. Если ты хочешь после смерти остаться в сердце живущего, воспитай Человека. Оставить себя в Человеке – это значит не только в буквальном смысле родить сына. Человеческий дух тем и отличается от существования животного, что, продолжая род свой, мы оставляем в человеке свою красоту, идеалы, преданность высокому и возвышенному. Чем глубже вы, юноша и девушка, сумели отразить, запечатлеть себя в человеке, тем богаче вы как граждане и тем счастливее ваша личная жизнь. Единство гражданского и личного сливается и запечатлевается в вашем ребенке, потому что он – ваше личное счастье и в то же время надежда народа <...>.

Каждому поколению юношей и девушек я рассказываю быль «Две матери», которая глубоко потрясла меня как воспитателя. Она учит, что патриотизм начинается с колыбели. Не может быть настоящим сыном своего Отечества тот, кто не стал истинным сыном матери и отца. Любовь – тончайшие корни *верности*. Одна из тончайших вещей во всей системе воспитания – это *утверждение* в юной душе чувства *верности* великому и непоколебимому – Отечеству, чувства непримиримости к измене, вероломству, лицемерию.

<...> Важно воспитать человека, верного другому человеку, заслуживающему любви, самоотверженной заботы, самопожертвования. Быть готовым отдать свою жизнь во имя счастья дорогого для меня человека – с этого начинается гражданская приверженность и самоотверженность. Через духовную жизнь отроческого и юношеского коллективов красной нитью должна проходить мысль и забота: у каждого из нас будут дети; не так трудно любить, ласкать их, пробудить у них мысль о том, что он, сын мой, дорог мне... но неизмеримо труднее утвердить в его душе чувство ответственности передо мной за каждый свой шаг, чувство верности и приверженности мне как живому воплощению того, что уже прожито, пройдено, запечатлено в памяти. Каждому поколению юношей и девушек, идущих в самостоятельную жизнь, я напоминаю о том, что они отвечают перед обществом, перед народом за то, *какие* у них будут дети.

Отец и мать, вырастившие верного сына Отечества, создают себе живой и нетленный памятник. Если же сын ваш станет изменником Родины, народа – и такое бывает, и такие суровые слова надо говорить бу-

душим матерям и отцам, – вы достойны презрения и великого забвения. Измена, предательство – самое страшное, самое гнусное преступление. Помните, будущие матери и отцы, что презренное семя измены и предательства – эгоизм, себялюбие. Верность великому и священному начинается с того, что почувствовал ваш сын, прикасаясь к отцовскому хлебу, какие мысли взволновали его душу, когда он увидел мать, отца, пришедших с работы уставшими и нуждающимися в заботе и покое, как забилося в груди вашего сына сердце в те мгновенья, когда он понял, что его нерадивость или беззаботность – отцовское горе.

О воспитании достоинства

Есть такое тонкое и нежное, сильное и мужественное, неприкасаемое и нестигаемое понятие – достоинство человеческой личности. В жизни человек соприкасается с красотой и подлостью, радостью и горем; в его духовной жизни бывают часы торжества и часы страдания; душу его потрясает всепоглощающая любовь и чувство мерзости; бывают такие повороты и стечения обстоятельств, когда необходимо отказаться от удовольствия и пойти на жертву; во имя блага родного, близкого человека, особенно блага жены и детей, надо возвыситься силой своих мыслей, убеждений над чувствами и эмоциональными порывами.

Всё это требует **достоинства**. Надо с достоинством жить, трудиться, пользоваться материальными и духовными благами, на которые ты имеешь право, с достоинством переживать радости и огорчения, с достоинством болеть и встречать свой последний час. В самых трудных обстоятельствах, даже когда жизнь кажется невозможной, нельзя переступать ту черту, за которой кончается властвование разума над нашими поступками и начинается темная стихия инстинктов и эгоистических побуждений. Береги, утверждай, развивай, возвышай свое человеческое достоинство. Корень твоего достоинства – в благородных убеждениях и мыслях. <...>

Достоинство – это мудрая власть держать себя в руках. Благородство твоей человеческой личности выражается в том, насколько мудро и тонко ты сумел определить, что достойно и что недостойно. Достойное должно стать самой сущностью твоей духовной культуры, недостойное пусть вызывает у тебя презрение и омерзение.

Понимание низости, мерзости, уродливости, пошлости, недостойного должно стать чертой твоего характера.

Я считаю исключительно важной воспитательной задачей выработать у каждой личности (подчеркиваю, достоинство является сферой

глубоко личной) своеобразное мировоззрение, выражающее взгляд на достойное и недостойное. Поскольку человеческое достоинство является умением держать себя в руках, с малых лет в сознании маленького гражданина надо утверждать убеждение о мерзости недостойного. Это убеждение – самый драгоценный нравственный иммунитет, не позволяющий человеку унижаться, терять благородство, совесть, честь, моральное мужество. <...>

Недостойно добывать свое благополучие, радости, удовольствия, спокойствие за счет притеснения, неустроенности, огорчения, беспокойства другого человека. <...>

Недостойно оставлять товарища в беде, опасности, проходить равнодушно мимо чужого горя, огорчения, страдания. Нравственная глухота и слепота, одеревенение сердца – один из самых мерзких пороков. Чувствование чужой беды и понимание того, что остаться в стороне от этой беды мерзко и гадко, – одна из основных линий всей воспитательной работы. <...>

Недостойно пользоваться результатами труда других, прятаться за чужую спину. Это сфера очень тонких духовных отношений, связанных и с учением, и со всем строем жизни коллектива и личности. Быть тружеником – честь, быть нахлебником – бесчестье. Воспитание такого взгляда мы считаем средоточием убеждений, на основе которых формируется гражданин. Очень важно, чтобы первым изумлением, первым откровением, пережитым человеком, была мысль: это сделал я своими собственными усилиями, этого достиг я своим разумом. Большого воспитательного мастерства требует оказание помощи слабому, несообразительному, несмышленому. Какой бы необходимой ни была помощь, она должна задевать самолюбие того, кому помогают. У маленького человека надо развивать стремление в конечном счете избавиться от помощи. <...>

Презрение к лени, безделью, нерадивости, отвращение к нахлебникам и великовозрастным иждивенцам – эти ценные черты морального облика воспитываются там, где физический труд одухотворяется высокими идейными побуждениями, насыщается мыслью. По самой сущности своей достоинство формирующегося человека – это закладка его трудового корня. Достоинство немыслимо вне труда, преодолевшего трудности и поднявшего маленького человека хотя бы на маленькую вершину гордости: в этом труде – мои силы, мой ум, мое творчество.

Об отношении к женщине

Недостойно быть спокойным и невозмутимым, когда рядом с тобой трудно женщине.

<...> Это настолько важный вопрос, что можно сказать без преувеличения: добрая половина всех усилий, которые мы прилагаем к тому, чтобы воспитать настоящего человека, — это забота о благородном, возвышенном отношении мужчины к женщине. Многие вещи маленькому ребенку еще не могут быть растолкованы. Начинать надо с самого элементарного: чувствования мерзости бездушного, бессердечного отношения к женщине. Я стремлюсь донести до сознания детей, мальчиков в первую очередь, ту мысль, что в женщине воплощено величие рода человеческого. Ее высокое предназначение сопряжено с огромным трудом. Ей несравненно труднее, чем мужчине. Она не «слабый пол», но существо, нуждающееся в заботе и защите не потому, что она слабая и беззащитная. На особую заботу и защиту она имеет право потому, что она сильная, мужественная, но ей очень трудно. Эту трудность должен делить с ней мужчина. <...> Женщина имеет особое право на то, чтобы мы, мужчины, на каждом шагу облегчали ее жизнь, уже потому, что она женщина. Быть спокойным и невозмутимым, когда женщине трудно, — позорно. Долженствование в нашей жизни, по существу, начинается с того, что каждый из нас, мужчин, обязан матери своим бытием, счастьем. <...>

О воспитании отвращения к алкоголю

Недостойно пьянство и чревоугодие. Алкоголь и человек так же несовместимы, как разврат и верность. Алкоголь затуманивает сознание и освобождает инстинкт, низводя человека до скотского состояния. <...>

Самым большим счастьем, роскошью, наслаждением для ребенка, особенно для подростка, юноши должно быть общение с хорошей книгой, чтение, мышление. Презрение к затуманиванию сознания воспитывается также тонким пониманием и чувствованием прекрасного — в природе, в искусстве, в человеческих отношениях. Наш идеал — красота должна стать мерилom собственного достоинства, чтобы наслаждение и красота слились воедино. Чем тоньше понимание и чувствование прекрасного, тем глубже отвращение ко всему грубому, животному, инстинктивному.

Нетерпимость к пьянству зависит также от характера духовного общения, в которое ребенок входит, познавая товарищество и дружбу. Это большая воспитательная проблема, о которой тоже можно написать целую книгу, — проблема красоты, нравственной чистоты, духовной полноты и насыщенности общения между личностями в годы детства, отрочества и

особенно ранней юности. Нас очень заботит и волнует: что ищет человек в человеке? Что несет человек человеку? Какими радостями насыщено духовное общение? Насколько насыщено это общение мыслью и красотой? Что является красной нитью требовательности человека к человеку в этом общении? Мы видим огромную опасность в том, что, идя к другому человеку, человек надеется найти спасение от скуки, что и само общение вызвано стремлением рассеять скуку. Там, где в общении – пустота, появляется тяготение к рюмке, сознание отравляется мерзкой мыслью о том, что якобы в отравлении мозга и выражается настоящий мужчина. Пустота и скука рождают нетребовательность и всепрощение, в испарениях алкоголя мрачным призраком появляется мысль: мне все позволено.

Душа человеческая не должна быть пустой; в свободном времени юная душа должна видеть прежде всего вместилище для деятельной красоты. Тяготение к прекрасному и отвращение к уродливому – самое сильное противоядие от алкоголя.

О роли в воспитании дедушек и бабушек

Старость не может быть счастьем. Это невежды придумали слова: счастливая старость. Старость может быть лишь покоем или бедой. Покоем она становится тогда, когда ее уважают. Бедой ее делают забвение и одиночество. Не превращай старости своих дедушки и бабушки, отца и матери в беду. Помня, что и ты будешь старым. Присмотрись внимательно к дедушке и бабушке; таким станешь и ты через несколько десятилетий. Дорожи здоровьем дедушки и бабушки, у них закат жизни, им осталось жить меньше, чем тебе.

Дедушке и бабушке – почетное место в доме. Если решается какое-нибудь непростое и нелегкое дело, первое слово пусть принадлежит дедушке и бабушке. Не стесняйся и не опасайся поделиться с ними своими радостями или бедой. Они умеют озарять человеческую радость мудростью жизни, и радость сделает тебя вдвойне счастливым. Они умеют утвердить в человеке силу духа. То, что ты обратишься к ним за советом, само по себе для них большая радость. <...>

Забвение – вообще беда, в старости – беда вдвойне. У человека возникает мысль о жестокости окружающих его людей, если он чувствует, что о нем забывают потому, что – знают о приближении его смерти. Внимательно слушай, что говорят тебе, чему учат дедушка и бабушка. Они имеют на это право. Если бы в полной мере почиталась стариковская мудрость, в жизни было бы несравненно меньше юношеской глупости, которая происходит от незнания жизни, самоуверенности, неосмотрительности.

Если дедушка, бабушка оставили после смерти дорогие их сердцу вещи реликвии – свято береги их, передавай своим детям и внукам. Память поколений – это и есть живая история народа.

<...> Молодым родителям и будущим родителям мы внушаем мысль о том, что в становлении нравственности их детей очень большое значение имеет духовная связь самого младшего и самого старшего поколений. Если эта связь развивается и крепнет, вы, родители, можете не опасаться за своих детей. Сущность этой связи должна заключаться в том, чтобы старшее поколение пробуждало у детей мысль о радости бытия и о долге человека перед человеком. Мудрая и благородная старость умеет так любить детей, что каждое проявление этого чувства пробуждает у детей любовь к старшим, заботу и беспокойство об их здоровье и благополучии. Задача молодых родителей заключается в том, чтобы оберегать эту мудрую любовь стариков как очень нежную и хрупкую вещь. Добро, которое делает дедушка или бабушка внуку, должно на всю жизнь остаться в памяти как святыня. <...>

Хочется сказать родителям: берегите эту хрупкую, красивую и нежную вещь – любовь бабушки и дедушки к внукам, любовь внуков к бабушкам и дедушкам. В этих взаимных чувствах закладываются тончайшие корни человечности. Как грозное напоминание о недопустимости небрежного, а порой и грубого отношения к этим чувствам слушают молодые родители на занятиях родительской школы рассказ о зеленой кастрюле.

Сухомлинский, В.А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие. – М. : Педагогика, 1990. – 288 с.

Николай Григорьевич Юркевич (1928–2017)

О семье

Сила воспитательного влияния семьи (как правило, положительного) обусловлена тем, что, с одной стороны, оно продолжается на протяжении «всей жизни» ребенка, подростка, юноши, а с другой – исходит от самых близких для него людей. Нельзя забывать и о том факте, что влияние членов семьи на ребенка осуществляется в «естественных» условиях, в ходе повседневной жизни. В конечном итоге образцы непосред-

ственно наблюдаемого поведения лиц, с которыми ребенка связывает сердечная близость, он впитывает, «как губка», с невозможной в других условиях готовностью и силой. Правда, сказанное прежде всего относится к детскому возрасту. Но и в подростковом, юношеском многое из сказанного сохраняет свое значение.

Другие (внесемейные) элементы непосредственного окружения ребенка, подростка более многочисленны. Внешний мир посылает свои сигналы на всех волнах и частотах. Это затрудняет восприятие. Ведь ребенок еще не выработал критерии отбора нужной информации. Его привлекает скорее яркое, чем содержательное. Воспитательные элементы внешней среды отличаются также тем, что они дальше расположены и являются «чужими». Подросток, как правило, к ним эмоционально безразличен. Наконец, они отличаются большой подвижностью, изменчивостью. Могут меняться и нередко меняются товарищи, соседи, учителя и т. д. Все это приводит к тому, что влияние семьи долго (иногда всю жизнь) остается господствующим.

Конечно, чем старше сын или дочь, тем больше он или она выходит за пределы семьи, больше подвергается воздействию внешней среды. Но одновременно он (она) нередко приобретает все большую способность оценивать это воздействие с тех мировоззренческих и нравственных позиций, которые заложила в него (нее) семья. В таких случаях все больший выход подростка, юноши за пределы семьи нельзя отождествлять с ослаблением ее влияния.

Семья через свои функции удовлетворяет жизненно важные потребности как отдельных людей, так и общества в целом. В частности, речь идет о потребности людей в личном счастье, материнстве и отцовстве, а общества – в численном и качественном воспроизводстве населения. Прекращение удовлетворения этих потребностей в конечном счете привело бы к гибели человечества.

Отменив семью, мы подписали бы смертный приговор и человеческому обществу. Семья незаменима как воспитательная ячейка. Ребенка нельзя лишить материнской ласки и отцовской заботы. Лишь в семье дети могут приобщаться к атмосфере эмоционального единения, которая столь необходима для формирования в человеке душевной теплоты и мягкости. Это сегодня является бесспорным.

Юркевич, Н. Г. Семья и личность / Н. Г. Юркевич. – Минск : Народная асвета, 1986. – 79 с.

РОССИЯ. XXI в.

Владимир Львович Леви

(18 ноября 1938 года, г. Москва)

Работал в области научной и практической психологии в Институтах психологии РАН и Академии образования; занимался проблемами воспитания детей, психотерапией детей и подростков, психологической помощью семьям, психотерапией экстремальных состояний и личностных кризисов, психологией искусства. В 1980-е годы занимался педагогической психологией. На протяжении многих лет сотрудничал с журналом и издательством «Семья и школа».

О семье

Одинокими не рождаются. Одинокими только живут. Одинокими умирают. Но не рождаются одинокими, нет, нельзя одиноким родиться, не выйдет. И само Одиночество никого не рождает.

Родиться можно только в Семье. Пускай странной, на себя не похожей, пусть мимолетной, почти не бывшей, не состоявшейся – но в Семье.

Только в Семье лепится человек из генов и духа.

Семья же лепится троицами: из предсемьи двух существ – третье. И дальше, и дальше... Родился – значит, сомкнул в семейную троицу предсемейную пару. И если даже уже при рождении стал сиротой – все равно он был в Замысле, сокровенный миг, когда ты был в Семье и Семейей, и миг этот в тебе навек...

Одинокими не рождаются. Одинокими только становятся.

Одиночество – мост между Жизнью и Смертью. Движение – в обе стороны. Смерть и Жизнь, два берега Бесконечности дают тебе смысл, они поддерживают и влекут тебя, Одиночество.

А та точка на берегу Жизни, куда ты, Одиночество,ходишь и откуда выходишь, та первоточка, где умираешь и где рождаешься, – это и есть Семья. Каждая Семья – шаг, отмеряющий единичный отрезок пути неохватимого памятью и разумением совокупного существа по имени РОД.

Смысл шага – Путь, о котором сам шаг понятия не имеет. Смысл Семьи – движение родового жизнепотока, о коем Семья может иметь лишь миф, в лучшем случае милый миф... И как каждый шаг бега или ходьбы есть и взлет, и падение, так и шаг рода – Семья – и соединяет нас, и разъединяет, оправдывая наши одиночества и испытывая на прочность...

Леви, В.Л. Семейные войны / В.Л. Леви. – М. : Метафора, 2010. – 224 с.

<...> Есть такое слово – «кредит». Того же корня и «кредо» – верю. Кредит – нечто, данное на веру, на доверие, но с отдачей. Ребенок приходит в мир с кредитом доверия. Этот кредит отдается взрослым и прежде всего родителям. Если бы этот кредит был бесконечным... И если бы взрослые умели не только тратить его, но и возвращать и приумножать...

Об упрямстве

Где-то между 5–7, иногда ближе к 8–9 годам. Все то же утверждение самости, та же Программа Нет на другом уровне. «Мама, ты говоришь неправильно, дядя Саша знает лучше тебя!» «Папа, ты сам ничего не умеешь!..» «Бабушка, ты противная, ты бы умерла поскорей!» «Не буду надевать эту майку, не нравится она мне, никто не носит такие, и вообще жарко!..»

Плохое настроение, усталость, предвестие болезни?... Вполне возможно. Надо, однако, знать, что всякое скверное состояние выводит наружу подавляемые побуждения. Ведь как раз в это время начинает стремительно наступать на ребенка чудовище обло-озорно-стозевно-и-лайяй по имени Необходимость.

Игрушки уступают место учебникам, маленький раб садится за парту... И снова, снова и снова приходится доказывать старшим – а главное, себе самому – что ты можешь быть если не распорядителем, то хоть совладельцем своего «Я»; что кроме «надо», бесконечного «надо», есть и право на «хочется»...

Положение между тигром и крокодилом: недожмешь «надо» – не состоится ни настоящая учеба, ни настоящая личность; пережмешь «надо» – все то же самое плюс...

Накаты упрямства и всеотрицания будут происходить всякий раз, когда ребенок будет чувствовать себя ущемленным в своих маленьких, но тем более драгоценных правах; когда самооценка его будет ставиться под угрозу; когда будет подавляться его стремление к самостоятельности.

сти; когда будет скучно; когда взрослые будут давить, не догадываясь о своей тупости, не догадываясь о непонимании...

<...> Не случается ли, что мы ведем себя с ребенком как самозарядный автомат, не давая себе времени не то что подумать, а просто увидеть, что происходит?

Научимся выдерживать паузы: ориентация, а потом реакция. «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего». Дети не уважают суетливость. Некоторая медлительность старших всегда действует внушающим образом.

<...> Примерно каждый второй из детей по тем или иным причинам не справляется с темпами, требуемыми со стороны взрослых, и примерно каждый десятый явно медлительнее остальных. Это может быть связано и с какой-то болезнью или задержкой развития, но, как правило, это дети совершенно здоровые и, более того, часто весьма одаренные. Таким увальнем, неуклюжим недотепой был и маленький Пушкин, и маленький Эйнштейн. «Тихая вода глубока». Им нужно быть медлительными: в свое время догонят и перегонят. Ребенок – не автомат.

<...> Конфликт между взрослым Надо (читай – Мне Так Хочется!) и детским Хочу совершенно нормален. В этом противостоянии Ребенок растит свою волю и учится не только сдаваться и подчиняться, но и сопротивляться и подчинять, развивает не только привычку проигрывать, но и умение выигрывать или проигрывать, по крайней мере, не с сухим счетом.

<...> Всем известный кризис, эта психогормональная буря, которую и привыкли называть собственно переходным возрастом, или пубертатным.

<...> В этом возрасте максимальны и внушаемость, и антивнушаемость. Подросток уже бит, уже терт, уже недоверчив – но пока только на уровне своего сознания, еще слабоватого; а подсознание – словно открытая рана, доступная всем инфекциям...

Очень легко зомбируется, подчиняется всяческому психовоздействию, если только они идут из источников, еще не успевших показать ему свою задницу. Как невменяемый психбольной устремляется незнано куда и бешено возводит психозащитные бастионы – бронируется от внушений дискредитированных, и не в последний черед от твоих, родитель!..

Ты в отчаянии стоишь перед наглухо запертыми воротами, а его душа ищет, кому открыться. Всегда ищет...

<...> Учтем одно важное обстоятельство, которое можно незаметным образом превратить в выигрышное. Дитя не знает мер и весов,

не имеет иерархии ценностей – вертикальной структуры отношения к жизни. Для него одинаково важно (и одинаково неважно) надеть новую шапку, поцеловать маму, вытереть попу, взять на прогулку любимую игрушку, увидаться с папой, погладить собачку, похоронить бабушку, съесть конфету...

Отсюда и возможность гармоничного распределения нашего отношения к детскому сопротивлению – поделим свои подходы и тактики, как сердечный ритм, на три трети.

Треть уступательная

Один раз из трех постараемся изыскать возможность уступить своему маленькому упрямцу. С какого конца разбивать яйцо? Брать с собой на гуляние куклу или машинку? Надевать красные штаны или синие? Вилкой есть или ложкой? Есть вообще или подождать?... В подобных эрностепенных для жизни вопросах вполне можно – и нужно! – давать ребенку выигрывать поединки с нашей воспитующей волей. И хорошо бы иногда делать это чуть-чуть хитро – не сразу уступать, а поспоротивляться-попрепираться, понастаивать на своем, чтобы цена его победы была для него не слишком низка!..

Треть настоящая

А это уже та, в которой проявим решительное и неодолимое упрямство мы сами: строго настоим на своем, добьемся послушания, повиновения, если потребуется – и силой...

Понятно, что в эту треть войдет прежде всего самое важное, наиглавнейшее: то, что относится к безопасности и здоровью. Идти гулять (в детский сад, в школу...) надо, а не желаешь? Пойдешь, ежели здоров, никуда не денешься. Одеваться в студеной день не хочешь совсем? – Придется тебя одеть.

(А вот что надеть – можно решить вдвоем, в честной борьбе покапризничать-покомпромиссничать.) Лезешь пальцами в электророзетку? – Нельзя, еще раз нельзя. Не понимаешь, не веришь, лезешь нарочно? – Вот тебе по руке, бо-бо. Бьешь бабушку или маленького братика, мучишь котенка, сошвыриваешь со стола чашки на пол нарочно, кидаешься какашками? – Получай немедленно адекватный ответ...

Компромиссная треть

Не настаивать и не уступать, а выждать, отвлечься, поиграть, пошутить, попеть, поплясать, что-то придумать забавное, неожиданное, незаметно вовлечь в желаемое другим боком...

Леви, В. Л. Как воспитывать родителей, или Новый нестандартный ребенок / В. Л. Леви. – М. : Торопоан, 2010. – 416 с.

Шалва Александрович Амонашвили

(8 марта 1931 года, г. Тифлис)

Педагог и психолог, специалист в области гуманно-личностной психологии и педагогики в начальной школе. Автор научного направления, известного в мире как «Гуманно-личностный подход к детям в образовательном процессе», основной принцип которого – обучение во имя развития личности школьника; укрепление гуманных, нравственных отношений (к людям, природе, труду, окружающей жизни); бережное внимание к внутреннему миру ребенка, его интересам и потребностям, обогащение его душевного и духовного потенциала.

СЕРДЦЕ

Сердце есть обитель всего прекрасного в человеке. Но Сердце есть и обитель всего, что нас оскверняет и позорит.

В Сердце накапливается наше бессмертие — это Свет.

Но в Сердце собираются причины нашей гибели — тьма.

Сердце многообразно, но многообразие его складывается в двух противоположностях.

Есть Сердце доброе.

Есть Сердце злое.

Есть Сердце любящее.

Есть Сердце ненавидящее.

Есть Сердце понимающее.

Есть Сердце глухое.

Есть Сердце горячее.

Есть Сердце холодное.

Есть Сердце щедрое.

Есть Сердце скупое.

Есть Сердце творящее.

Есть Сердце разрушающее.

Есть Сердце зоркое.

Есть Сердце слепое.

Есть Сердце пламенное.

Есть Сердце потухшее.

Есть Сердце светлое.
Есть Сердце темное.
Есть Сердце чистое.
Есть Сердце грязное.
Есть Сердце непорочное.
Есть Сердце, погрязшее в пороке.
Гласит Вечная Мудрость:

Добрый человек из доброго сокровища Сердца своего выносит доброе. Злой человек из злого сокровища Сердца своего выносит злое. Ибо от избытка Сердца говорят уста его.

Глаголют Книги Мудрости:

Сердце, несущее добро, излучает благодать непрестанно, независимо от намеренных посылок. Так Солнце не шлет преднамеренных лучей.

Сердце, заполненное злом, будет извергать стрелы сознательно, бессознательно и непрестанно.

Сердце добра сеет вокруг себя здоровье, улыбку, духовное благо.

Сердце зла уничтожает тепло и, упырю подобно, высасывает жизненные силы.

И так непрестанно деятельность Сердца творит добро или зло...

ПЕЧАЛЬНАЯ СТРАНИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

- Сердце – Центр организма. – А голова?
- Сердце – Престол сознания.
- А мозг?
- Сердце – хранитель Мудрости.
- А рассудок?
- Зорко только Сердце.
- А глаза?
- Слушать нужно Сердцем.
- А уши?
- Мошь Сердца всемогуща.
- А мышцы?
- Сердце может знать смысл событий дальних.
- Без электронной связи?
- Сердце может летать.
- Без летательных аппаратов?
- Сердце может приблизить космические дали.
- Без телескопа?

- Сердце может видеть мельчайшие частицы.
- Без микроскопа?
- Сердце может решать.
- Без логики?

Вот так, отрицая духовность, мы до сих пор и спорим.

Не пора ли понять:

«Спор Сердца и рассудка является печальной страницей человеческого чувства».

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ЗАБОТЫ

– Дедушка, стихотворение придумал, хочешь, расскажу...

– Конечно...

– Вот послушай...

Мотылёк живёт

без забот.

Ну как?

– Прекрасно, но давай подумаем: видишь, на окне мотылёк. Неужели у него нет никакой заботы?

– А какая может быть у него забота?

– Он же живое существо, а не мёртвое.

– Стало быть, у всего живого есть своя забота?

– Думаю, что да.

– А у мёртвого забот никаких...

– Разумеется.

– Тогда послушай:

Без забот

не живёт

даже мотылёк.

– Ой, как хорошо...

– Подожди, не записывай, я поправлю:

Не живёт

без забот

даже мотылёк.

– Прекрасно... Это не просто стишок, а мудрость...

– Мудрость?.. Тогда запиши ещё:

Кто живёт с заботой,

ходит гордым.

Кто живёт без забот,

ходит мёртвым.

Нравится? Тоже мудро?.. Теперь другое скажу...

Пиши:

У каждого своя забота:

у мотылька – своя,

у человека – своя,

у меня – тоже своя!

Ничего?

– Отлично... Мудро... Я записал.

– Вот ещё... Пиши быстрее, а то забуду:

Забота на век –

это человек.

Забота на ток – это мотылёк.

– Почему на «ток» ?

– Не понял?.. Это как электрический ток, короткий, быстрый... Ты пиши дальше:

Ты кто? –

спросит кто-то.

Отвечай:

Забота!

– Ой, как умно... Как такое пришло тебе в голову...

– Подожди, не мешай думать... Пиши:

Родилась забота –

родился человек.

Умерла забота –

умер человек.

Можно и так:

Родилась забота?

Родился человек!

Умерла забота?

Умер человек!

– Молодец... Мудро...

– Пиши дальше... Быстро пиши:

Кто убьёт в себе заботу,

тот убьёт себя самого.

Кто убьёт человека,

тот убьёт заботу о людях...

Ребёнок родился со своей заботой,

но воспитывает его мамина забота...

Не получают как стишки, но мудро, правда?

- Мудро, мудро... Я всё записал...
- Пока ещё не всё, пиши:
- О себе забота –
не забота.
- О другом забота –
уже забота.
- О Боге забота –
совсем забота.
- Как можно о Боге заботиться?
- Очень просто. Бог во всём. Он и в маме, о которой я забочусь.
- Значит, я забочусь о Боге. Мудро?
- Да, мудро...
- Теперь всё... Я пошёл играть.

Амонашвили, Ш. А. Педагогические притчи / Ш. А. Амонашвили. – 5-е изд. – М. : Амрита, 2013. – 240 с.

Ольга Александровна Карабанова

(14 марта 1952 года, г. Нижний Новгород)

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой возрастной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Ломоносовской премии за педагогическую работу. Заслуженный профессор МГУ. Член РПО.

Область научных интересов: психология развития и возрастная психология, психология семейных отношений и семейное консультирование, детско-родительские и супружеские отношения, коррекция психического развития ребенка.

О родительстве

Родительство сегодня рассматривается как процесс содействия прогрессивному развитию ребенка и достижению им автономии в доброжелательной, безопасной и психологически комфортной среде, создаваемой поведением родителя. Общество занимает достаточно активную позицию в отношении неэффективного или девиантного родительства, реализуя интервенцию (вмешательство) с целью компенсации неэффективного роди-

тельства. Временами такое вмешательство оказывается несвоевременным, неэффективным и даже разрушающим семейные связи и отношения. <...>

Отметим, что ключевым условием эффективности родительства выступает взаимодействие родителя с ребенком, в котором сам ребенок оказывается активным участником и строителем детско-родительских межличностных отношений. Другими существенными условиями являются уровень психологического благополучия самих родителей, их опыт воспитания других детей и собственный опыт детско-родительских отношений.

<...> Исследования случаев дисгармоничного и девиантного родительства позволили выявить его причины. К ним относятся:

- нарушения мотивационной сферы (случайный характер зачатия ребенка, отсутствие или слабость потребности иметь детей и быть родителем, наличие у родителя более сильных «конкурирующих потребностей», чем потребность в реализации родительской любви, фрустрация жизненно важных потребностей родителя в связи с рождением и воспитанием ребенка);
- семейный анамнез – отрицательное отношение к рождению ребенка супруга, родителей, других значимых членов расширенной семьи, высокая конфликтность и негативное отношение супругов друг к другу, негативный детский опыт общения с собственными родителями, прежде всего опыт отвержения и игнорирования, развод родителей, трудности sibлинговых отношений;
- позднее включение в уход и заботу о ребенке с момента его рождения, чрезмерно раннее делегирование в собственной семье функций ухода за младшим sibлингом;
- личностные особенности родителя (инфантилизм и личностная незрелость, низкий уровень ответственности, эгоизм, наличие у родителя ряда неразрешенных психологических проблем);
- индивидуальные особенности ребенка – индивидуально-типологические особенности ребенка такие, например, как трудный темперамент, несоответствие ребенка ожидаемому родителями образу, физические недостатки, дефекты;
- низкий неудовлетворительный уровень психолого-педагогической компетентности родителя, игнорирование возрастных особенностей ребенка либо искаженное представление о них, приводящее к мистификации и грубым нарушениям системы воспитания.

Карабанова, О. А. Позитивное родительство – путь к сотрудничеству и развитию / О. А. Карабанова // Педагогическое образование России. – 2015. – № 11. – С. 157–160.

БЕЛАРУСЬ. XXI в.

Евгений Иванович Сермяжко (1934–2012)

Профессор, член-корреспондент Белорусской академии образования, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова с 1980 г. по 1993 г. На протяжении многих лет занимался изучением ключевых вопросов семейной педагогики: возникновение и развитие семейной педагогики как науки, семья как фактор воспитания личности, условия успешного семейного воспитания.

О семейной педагогике

<...> утверждение о том, что родители, не зная семейной педагогики, хорошо воспитывают своих детей, весьма спорное. Даже если допустить, что это так, то и в этом случае будет резонно заметить, что воспитывать молодое поколение можно еще лучше. Любую деятельность, в том числе и воспитательную, осуществлять лучше, эффективнее возможно лишь на научной основе. Для родителей такой основой является семейная педагогика.

О роли матери и отца в воспитании ребенка

ВОПРОС:

– Споры о роли отца и матери в воспитании детей ведутся в каждой семье. Как правило, никто из родителей не хочет брать на себя ответственность за уровень воспитанности своих детей, точнее, за их невоспитанность. Отец при этом ссылается на те авторитеты, которые утверждают, что главная воспитательница – мать, мать же ссылается на другие авторитеты, по мнению которых воспитанность детей зависит от отца. Спор этот должна решить семейная педагогика как наука. Как же она решает этот извечно спорный вопрос? И возможно ли какое-либо положительное его решение?

ОТВЕТ:

– Однозначного ответа на этот вопрос нет. Кажущаяся его простота обманчива. Дело в том, что отделить, вычленить преимущественно от-

цовское и преимущественно материнское влияние на ребенка невозможно: нет такой методики, с помощью которой это можно было бы сделать.

К бесспорным, доказанным истинам относятся следующие: 1) дети чаще общаются с матерью, чем с отцом; 2) в неполной семье, как правило, в семье без отца воспитание детей значительно затруднено; 3) дети в равной степени любят отца и мать, даже тех, кто лишен родительских прав и когда любить в сущности уже давно некого.

Ребенок с младенческого возраста стремиться к взаимодействию (общению) с близкими людьми. Наиболее близким человеком в ранние годы ребенка в подростковом и юношеском возрасте является мать. Мотивы общения бывают разные. <...>

Наиболее частые и действенные контакты ребенка с матерью и бабушкой, более низкими показателями характеризуются мотивы общения с отцом и бабушкой.

Частота и действенность взаимодействия ребенка с родителями в какой-то мере характеризует и степень их влияния на него. Можно предположить, что те из родителей, которые чаще общаются с детьми, оказывают на них и наибольшее влияние. Но это лишь предположение. Воспитывает, влияет на ребенка не столько частота взаимодействий, сколько убеждения, характер, личные качества и поведение, образ жизни родителей. <...>

Отец в отличие от матери, действительно, реже общается с детьми. Но наличие в семье мужчины – отца, как единодушно утверждают детские психологи, имеет огромное значение в формировании личности ребенка, особенно мальчика. Отсутствие отца является одним из источников криминогенности: от 30 до 40 процентов школьников, совершивших правонарушение и преступления, воспитывались в неполной семье, т.е. без отца. Мальчики, возможно, в меньшей степени и девочки, растут без отца замкнутыми, с ощущением неполноценности и одиночества. <...>

О роли отца в воспитании ребенка

ВОПРОС:

– Многие отцы самоустраиваются от воспитания своих детей. Каковы могут быть последствия такого самоустраивания?

ОТВЕТ:

– Самоустраивание отцов от воспитания имеет ряд отрицательных последствий. Важнейшими из них являются следующие.

В семьях, где отец не проявляет интереса к воспитанию своих детей, единственным воспитателем становится мать. Она предъявляет

требования к детям, наказывает и поощряет их, передает им свой опыт, свои взгляды на жизнь, свои убеждения, некоторые черты своего характера. В случае, когда супруги имеют девочек, такое одностороннее, сугубо женское воспитание не несет в себе ничего опасного. Мать в данном случае играет свою естественную роль, роль женщины – сердечной, ласковой, нежной, заботливой, формирующей в дочери эти и другие необходимые будущей женщине качества. В семьях же, где имеются сыновья и где отец не уделяет внимание воспитанию детей, женщина – мать начинает играть суровую роль мужчины – отца. К этому ее побуждают особые интересы, потребности и запросы мальчиков. Но как только мать начинает выступать в роли отца, исчезает женская линия воспитания. Не проявляется в данном случае и настоящая мужская линия, ибо мать здесь выступает не в своей естественной роли, по сути дела она играет, или точнее, пытается играть роль мужчины. В результате страдает она и дети.

Другое отрицательное последствие заключается в том, что отсутствие мужской линии в воспитании детей обедняет жизнь мальчиков, делает эту жизнь скучной и заставляет их возмещать мужскую компанию где-то на стороне.

Известно, что мальчики по-мужски увлекаются футболом, рыбалкой, боксом и т.д. Их восхищают героические дела, они любят поступки мужественные, смелые, требующие сильной воли и физического напряжения. И они хотят воспитать у себя эти качества.

Конечно, все это может формироваться и мудрой матерью. И все же мужская линия здесь крайне необходима. Материнское сердце не всегда выдерживает чисто мужские поступки своих мальчиков.

О методах воспитания

Итак, специфика методов и приемов семейного воспитания заключается не в том, что в семье используются какие-то другие, чем в школе методы и приемы воспитания, а в их применении в особых, отличных от школьных, обстоятельствах и условиях. Этическая беседа и дискуссия (диспут), например, как методы убеждения используются в школе и в семье. Однако методика их проведения совершенно различна. В школе этическая беседа и дискуссия проводятся как коллективные мероприятия, в которых участвуют все учащиеся класса. К этим мероприятиям задолго готовятся и учащиеся, и классный руководитель: обсуждается тема беседы или диспута, разрабатывается план подготовки и проведения их, подбирается и изучается всеми участниками мероприятия литература по теме беседы или диспута.

Ничего подобного нет в семье. Беседы и дискуссии в семье «проводятся», возникают чуть ли не ежедневно. Никто их не планирует и никто – ни родители, ни дети – к ним специально не готовится: они носят спонтанный характер. И, понятно, эти беседы, дискуссии нельзя назвать мероприятиями, тем более коллективными, так как они всегда индивидуализированы, строятся, проводятся с учетом особенностей личности конкретного ребенка. Не только беседа, дискуссия, но и все другие методы семейного воспитания в отличие от школьного личностно ориентированы, т.е. направлены на оказание содействия не коллективу класса, а конкретному ребенку в определении и совершенствовании его отношения к самому себе, другим людям, окружающему миру, к своей деятельности в обществе. Именно в этом, в личностной ориентированности, заключается в конечном итоге специфика и одно из важных преимуществ использования методов воспитания в семейных условиях.

Сермяжко, Е. И. Семейная педагогика в вопросах и ответах : пособие. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2001. – 128 с.

О воспитании

К существенным характеристикам, особенностям семейного воспитания относятся:

Во-первых, каждый человек ощущает, испытывает воспитательное воздействие семьи со дня своего рождения: первые воспитатели – отец и мать. <...>

Во-вторых, семейному воспитанию свойственна непрерывность, продолжительность и многообразие влияния на детей людей разного пола и возраста, жизненного опыта. Семья – это первая, «стартовая», группа, в которую попадает ребенок, самая длительная по времени существования и самая значимая для ребенка микросредовая ситуация, что обуславливает и своеобразие процесса воспитания личности в ней.

В-третьих, семья – основа естественного воспитания. Семейные отношения людей являются первыми и наиболее естественными отношениями. Эти отношения базируются на интимности и эмоциональности. Интимно-эмоциональная сфера семейных отношений дает широкий простор для реализации эмоциональных переживаний ребенка, становится подлинной школой социальных чувств.

Важное место в этих интимно-эмоциональных отношениях семьи занимает родительская любовь и ласка к детям. Родительскую любовь никакой другой любовью заменить нельзя. И сколько бы не говорили и не писали, что педагоги, должны любить детей родительской любовью, такого быть никогда не может.

В-четвертых, семья создает наиболее благоприятные условия для развития индивидуальности личности. Родители в сравнении с педагогами имеют значительно больше возможностей для глубокого и систематического изучения и учета индивидуальности ребенка и более вдумчиво наблюдать за развитием интересов, способностей, потребностей, чувств, характера ребенка. И, кроме того, каждая семья представляет собой неповторимость микросредовых условий, индивидуальности родителей и это накладывает неизгладимый отпечаток на духовный, нравственный облик, взгляды, интересы, потребности личности.

Сермяжко, Е.И. Общественно-государственное и семейное воспитание: возможности и перспективы / Е.И. Сермяжко // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – 2013. – № 2 (42) – С. 5–17.

Евгений Дмитриевич Осипов (род. 1981 г.)

Кандидат педагогических наук, доцент Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. В ходе многолетней опытно-экспериментальной работы исследуются проблемы компетентностно ориентированного обучения будущих педагогов взаимодействию с семьей учащихся, оказание психолого-педагогической помощи и поддержки детям и их родителям.

О роли бабушек и дедушек

Личностные отношения прародителей (бабушек/дедушек) и их детей и внуков, как правило, сложные и противоречивые. С одной стороны, старшее поколение в семейном социуме приобретает новую роль, а с другой – с определенными трудностями осуществляется осознание, осмысление этой роли, ее назначения.

Чем же полезен опыт прародителей в воспитании детей, в налаживании семейных отношений для молодых родителей? Прежде всего тем, что опыт старших богаче (они, как правило, воспитали не одного ребенка), у них можно поучиться трудолюбию, а также терпению по отношению к мужу, к детям. Поэтому важно уметь принять помощь бабушек и дедушек, тем самым облегчая обустройство жизни своей семьи.

Тем не менее, в выстраивании взаимоотношений «отцы – дети» существует ряд проблем:

- иногда бабушки и дедушки переоценивают свой опыт, постоянно поучая молодых родителей, что ведет к конфликтам;
- они не всегда оказываются хорошими воспитателями (балуют внуков, оберегают от трудностей, в тайне от родителей «создают» с внуками свои секреты и т.п., недостаточно владеют нынешней социальной ситуацией);
- некоторые прародители занимают позицию «стороннего» (то есть «наша хата с краю: живите как хотите»), что ведет к определенному отчуждению в отношениях между поколениями.

Есть и такая категория старшего поколения, которое всеми силами старается разрушить молодую семью, мотивируя это тем, что их «дита» – самое лучшее и достойно большего.

Независимо от того, на каком этапе жизненного пути находится бабушка или дедушка, разногласия с внуками и их родителями неизбежны. Причины тому следующие: разные представления о воспитании детей; бабушке и дедушке в семье отводится роль только няnek, домохозяек; неумение молодых людей идти на компромисс, действовать на основе метода договора, соглашения, которые являются самыми эффективными во взаимодействии; недооценка опыта старших и др.

Как же быть? Прежде всего, родителям следует большую долю ответственности за свою семью брать на себя, тогда и претензий к бабушкам и дедушкам будет меньше.

Раздельное проживание также позволяет старшему поколению соблюдать чувство меры, невмешательство в жизнь внуков, молодой семьи, особенно в решение спорных вопросов, с одной стороны, а с другой – убедившись в правильности позиции дедушки и бабушки по отношению к внукам, родители будут чаще им доверять своих детей.

О матери

Матери всегда отводилась роль хранительницы семьи, человека, умеющего противостоять в семье насилию, агрессии, беречь мир и спокойствие близких. К этому в былые времена готовили женщину с первых дней замужества (с помощью различных традиций, обрядов). Существовали специальные запреты, предостережения во время беременности (не повредить в траве мелкое насекомое или животное; соблюдать спокойствие и др.).

Матери бывают разные: уравновешенные, тревожные, властные и др. – и каждая из них проходит свой путь к материнству, постигая его азы.

Психологическая готовность к материнству определяется как биологическими (инстинкт к материнству), так и социальными факторами (влияние общественного мнения, опыт родительской семьи и др.). Чем объяснить, что одни девочки длительное время в своей жизни любят играть с куклами, в дочки-матери, а другие – предпочитают мальчишечьи игры? У первых изначально больше выражен инстинкт материнства, и у них больше возможностей в будущем быть хорошей матерью.

О стилях детско-родительского общения

Диктат. Общение с ребенком основано на приказах, принуждениях, насилии. Об уважении к личности ребенка в такой семье разговора нет, из-за чего дети замыкаются или идут на конфликты (особенно с возрастом).

Опека. Постоянно опекая ребенка, отстраняя от всех дел, от решения насущных вопросов и т.п., родители используют тот же диктат, только в прикрытой форме. При этом снижается активность, самостоятельность детей, у них не формируются умения бороться с трудностями, развиваются такие негативные явления, как капризность, грубость, гнев, злость и др.

Конфронтация: это позиция вражды, которую могут занимать и дети, и родители по отношению друг к другу. Между ними порой возникают длительные конфликты, основанные на неприязни, на недоверии, постоянных упреках и др.

Невмешательство (мирное сосуществование). Данную позицию характеризует слабый интерес друг к другу; невмешательство в дела ребенка; скупость общения с детьми (с ребенком), что приводит к отчуждению между близкими людьми, развитию эгоистической направленности у ребенка, ощущению своей ненужности и т.п. <...>

Сотрудничество – это взаимодействие, основанное на принципах взаимного уважения, на свободном выборе деятельности. При таком взаимодействии «имеет место баланс любви, уважения и требовательности к ребенку» (Л.В. Мардахаев); ребенок радуется общению с родителями, его всегда поддерживают, помогают, уважают его мнение. Он уверен в своем будущем, потому что всегда ощущает поддержку близких людей, за что старается «платить» тем же.

Такой тип поведения, как правило, характерен для демократичных родителей, которые ценят в ребенке как самостоятельность, активность, так и дисциплинированность.

Демонстративность. Данный тип отношения ученые трактуют как личностную особенность родителя (родителей) привлечь к себе внимание окружающих. Источник демонстративности – невнимание родителей к детям.

Осипов, Е.Д. Педагогика семьи : пособие для студ. пед. специальностей высш. учеб. заведений / Е.Д. Осипов ; под ред. А.Н. Сендер ; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2008. – 157 с.

О методах воспитания

В связи с тем, что в основе метода *убеждения* – слово, которое оказывает огромное воздействие на разум, эмоции человека, то очень важно, с одной стороны, говорить с ребенком, соблюдать при этом правила техники речевого общения, а с другой – нельзя переоценивать слово, так как дети привыкают к нему, особенно при постоянной морализации, стараются слова родителей «пропускать мимо ушей». С переходом ребенка с одной стадии взросления на другую большую значимость для него приобретают действия родителей, их поведение, в котором концентрируются отношение к нему, пример для подражания и наоборот.

Как правило, основной формой общения детей и родителей является *беседа*, функция которой изменяется по мере взросления ребенка: маленькие дети хотят услышать от родителей ответы на многочисленные вопросы, от которых не следует «отмахиваться», для подростков беседа – это диалог взрослых людей по различным жизненным проблемам. Однако и в том, и в другом случаях разговор следует вести без спешки, аргументировано; родителям важно проявлять инициативу, но при этом уважать мнение детей, осуществлять общение в доброжелательной форме.

Существенную роль в организации жизнедеятельности ребенка играет *жизнь самих родителей*, в которую следует включать детей постоянно, начиная с малых лет, не боясь акцентировать внимание на его позитивных сторонах («Как я рада, что оказали помощь...», «Как приятно находиться в чисто убранной квартире. Все так постарались» и др.). При этом важно знать и то, что огромный ритм жизни иногда затрудняет позитивную направленность в использовании родителями того или иного метода. Если мы считаем нужным упражнять ребенка в чем-то, то спешка тут ни к чему. Из-за недостатка времени люди постоянно куда-то спешат: ребенок не умеет застегнуть пуговицы рубашки – мы это делаем за него, но быстрее; проливает суп – покормим и др. Все это не способствует эффективному воспитанию детей.

Осипов, Е. Д. Педагогика семьи. Лекции-дискурс : пособие для студ. пед. специальностей высш. учеб. заведений / Е. Д. Осипов ; под ред. А. Н. Сендер ; Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2014. – 168 с.

Наталья Алексеевна Окулич

(род. 1980 г.)

Сущность родительской любви и ее специфика, механизмы формирования родительства, материнства и отцовства как его составляющих, личность успешного родителя, критерии и показатели достижения успешности в родительстве, стратегия и тактика достижения успешного материнства и отцовства – направления научного поиска педагога и психолога Н.А. Окулич.

О жестокости в отношении детей

Многие отцы считают, что их главная задача как воспитателей – формирование у ребенка дисциплинированности. С этой целью они прибегают к различным методам воспитания: принудительным и индуктивным. Первые из указанных методов основаны на использовании родителем силы и власти в форме наказаний, включающих физическую и психологическую агрессию (порка, битье, оскорбления, ругань, угрозы и др.). Вторые методы направлены на побуждение ребенка к управлению собственным поведением, ориентируясь при этом на установленные родителями как значимыми (уважаемыми, авторитетными) взрослыми правила и демонстрируемые ими образцы поведения. Наиболее эффективным в плане формирования дисциплинированности у ребенка считается сочетание этих методов в воспитывающей деятельности родителя. <...>

С чем связана тенденция отцов к проявлению жестокости в их воспитательных воздействиях на детей, особенно на сыновей? Одна из причин, на наш взгляд, связана с особенностью возникновения и проявления отцовских чувств к ребенку. Любовь отца ... условна, т.е. ребенок получает ее в ответ на демонстрируемые им родителю достижения, способности, успехи, оправданные ожидания. Если притязания (требования, стремления добиться чего-либо) отца к сыну или дочери не удовлетворяются, то он применяет к ним санкции в виде наказания за проступки. При этом отец, как правило, не сомневается в адекватности его реакции на поведение ребенка, не считает нужным разбираться в причинах произошедшего – он строго реагирует на факты (свои неудовлетворенные ожидания), т.е. не обладает психологической гиб-

костью (способностью быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям жизнедеятельности, соответствующим образом корректировать свои действия и преобразовывать себя). Вместо того чтобы поддержать ребенка, помочь ему справиться с задачами его развития, а также с теми, которые ставит перед ним семья, общество, отец больше склонен критиковать сына или дочь, отмечая их промахи, ошибки, недостатки и тем самым убеждая их в их несостоятельности. Все это ведет к формированию у детей неуверенности в себе, безынициативности, к снижению их самооценки.

Вторая причина, по нашему мнению, – это неверное понимание и толкование отцами понятий «строгий», «жесткий» и «жестокий», использование их как синонимов в отношении характеристик стиля и методов воспитания. Стиль воспитания отца, как мы подчеркивали выше, отличается высокой требовательностью к ребенку, взыскательностью, отсутствием снисхождений к нему в случае нарушения им норм и правил поведения, т.е. строгостью в прямом смысле этого слова. При полном отсутствии психологической гибкости со стороны отца его строгость превращается в жесткость, что выражается в грубости, резкости его высказываний и оценок в адрес ребенка в случае любого отклонения, нарушения им установленных родителями правил, неудовлетворения родительских ожиданий и притязаний. Следовательно, строгость и жесткость относятся, прежде всего, к характеристикам операциональной стороны воспитывающей деятельности отца, т.е. ее индивидуального стиля как совокупности методов, приемов, способов ее выполнения человеком. <...> В свою очередь, жестокость – это свойство личности, выражающее безжалостность, беспощадность человека к страданиям других живых существ как следствие его безразличия к ним. Жестокое обращение (пощечины, подзатыльники, дергание за уши, удары кулаком или ногой, ремнем, палкой или другими твердыми предметами, избиение и др.) с детьми есть свидетельство безучастности, полного равнодушия, эмоциональной холодности отца к ним, его незаинтересованности в сыне или дочери как личности, в выполнении родительской роли в целом.

Окулич, Н. А. Материнство и отцовство. Стратегия и тактика успешности / Н. А. Окулич ; под общ. ред. М. П. Осиповой ; Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2012. – 100 с.

Михаил Тимофеевич Авсиевич

(род. 1941 г.)

Кандидат философских наук, профессор.

Автор книг по вопросам семейного воспитания:

Авсиевич, М. Т. Семья и социум: воспитываем вместе / М. Т. Авсиевич. – Минск : Бестпринт, 2012.

Авсиевич, М. Т. Современная семья: методологические основы воспитания / М. Т. Авсиевич. – Минск : Бестпринт, 2002.

Авсиевич, М. Т. Супружеские конфликты и пути их преодоления / М. Т. Авсиевич, Л. И. Мельник. – Минск : Знание, 1988.

О недостатках семейного воспитания

Главный недостаток семейного воспитания сегодня слабое изучение природы ребенка, малое к нему уважение, а потому полное подчинение ребенка какой-нибудь искусственной схеме, придуманной родителями по разным практическим соображениям.

1) Одна из любимых родителями искусственных схем есть превращение детства в подготовительный период к следующему, школьному возрасту. Детство само по себе не уважается, оно не имеет никаких прав, ничего самостоятельного, оно только маленькая станция на пути к дальнейшим возрастам, и чем меньше на ней останавливаться, тем лучше. Такой взгляд на детство сразу ставит ребенка в неестественное положение: занимайся не тем, что тебе любо и дорого теперь, а тем, что тебе понадобится через несколько лет; веди себя не как пяти-шестилетнее дитя, а как девяти-десятилетнее, думай о школе, пренебреги настоящим, живым и веселым, и перенесись в будущее. От ребенка требуется скороспелость, недетская рассудительность и усидчивость, его как можно раньше стараются учить грамоте, иностранному языку, стремятся незаметно, шутя ознакомить поскорее со счетом и с началами всех других наук. И все потому, что это понадобится в школе, как будто не будет времени для учения.

2) Другая любимая родительская схема – особенная энергия в развитии одной какой-либо стороны в воспитываемом и малое внимание ко всем другим. Есть родители интеллектуалы, эстеты, практики, выше всего ценящие в ребенке какую-либо одну категорию свойств, кажущуюся им самым важными, и на прочие обращающие мало внимания. Понятно, что заколачивать ребенка в такие узенькие схемы можно только путем упорной и тяжелой борьбы с природной разносторонностью детских стремлений.

3) Третий важный недостаток семейного воспитания – семейный эгоизм и ограниченность кругозора. Случается нередко, что семья живет замкнуто, отчужденно от общественных организаций, принимает весьма слабое участие в общественной жизни. Живая связь семьи с общественными организациями есть необходимое условие правильного развития детской личности в семье.

О привычках

Очень важно формирование хороших привычек в жизни маленьких детей. Первоочередное дело – это развитие в детях привычки каждое начатое дело доводить до конца. Этой привычкой создается чувство большой ответственности за каждое предпринимаемое дело, большая углубленность желаний и приобретается опыт претворения желаний в дело. При развитии привычек у ребенка не нужно проявлять чрезмерной настойчивости, иначе привычка будет поддерживаться только в рамках семьи и по уходу из нее она будет с радостью отбрасываться. Лишь умелое создание разумных привычек (как физического, так и социально-психического характера) сохраняет их на всю жизнь.

О наказаниях (побой)

Каковы же результаты телесных наказаний?

Исследования показали, что телесные наказания причиняют вред ребенку и практически не приносят никакой пользы. Наказание такого рода действует только в течение короткого времени – оно, может быть, и разряжает обстановку, но никак не улучшает поведение ребенка надолго.

Побой могут представлять и непосредственную опасность для жизни ребенка – особенно в тех случаях, если наносящий побой человек не владеет особой.

Один из самых нежелательных результатов частого битья заключается в том, что ребенок начинает видеть в нем способ излить накопившийся гнев и разрешить возникшую проблему. Ребенок учится в минуту гнева прибегать к драке, привыкает к тому, что для того, чтобы снять напряжение, достаточно поднять на кого-то руку. Он уже считает возможным применять физическую силу и властвовать над более слабыми детьми. И все это потому, что, демонстрируя ребенку собственную несдержанность, родители не учат его самообладанию и не прививают ему умения справляться с отрицательными эмоциями другим способом.

Авсиевич, М. Т. Семья: иллюзии и реальность / М. Т. Авсиевич. – Минск : Бестпринт, 2007. – 90 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. VI–IV вв. до н.э.	3
Платон	3
Аристотель	6
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. XI–XVI вв.	11
«Поучение Владимира Мономаха»	12
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА. XVI–XVIII вв.	14
Мишель Монтень	14
Ян Амос Коменский	19
Джон Локк	26
РОССИЯ. XIX в.	33
Виссарион Григорьевич Белинский	34
Памфил Даниилович Юркевич	40
Александр Иванович Герцен	46
Константин Васильевич Ельницкий	51
Петр Федорович Каптерев	54
Петр Францевич Лесгафт	71
Лев Николаевич Толстой	80
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. XX в.	84
Антон Семенович Макаренко	84
Василий Александрович Сухомлинский	99
Николай Григорьевич Юркевич	106
РОССИЯ. XXI в.	108
Владимир Львович Леви	108
Шалва Александрович Амонашвили	112
Карабанова Ольга Александровна	116
БЕЛАРУСЬ. XXI в.	118
Евгений Иванович Сермяжко	118
Евгений Дмитриевич Осипов	122
Наталья Алексеевна Окулич	126
Михаил Тимофеевич Авсиевич	128